

Ю Л И Я,

ИЛИ

ПОДЗЕМЕЛЬЕ МАДЗИНИ.

Сочиненіе Анны Радклифъ.

Переводъ съ Французскаго.

ВТОРОЕ ИСПРАВЛЕННОЕ ИЗДАНИЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА,

ВЪ ТИПОГРАФИИ АВГУСТА СЕМЕНА.

1819.

Печашашъ дозволяешся съ тѣмъ , чтобы по на-
печашаніи , до выпуска въ публику , представ-
лены были въ Цензурный Комитетъ : одинъ
экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комите-
та, другой для Департамента Министра Ду-
ховныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія , два
экземпляра для Императорской публичной биб-
ліотеки и одинъ для Императорской Академіи
Наукъ. Февраля 6 дня , 1819 года. Книгу сію
разсмашривалъ Адъюнктъ Словесныхъ Наукъ ,
Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ

ПЕТРЪ ПОБѢДНОСЦЕВЪ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

На сѣверномъ берегу Сициліи пред-
спавляющіяся великолѣпныя развали-
ны замка, принадлежавшаго нѣкогда
фамиліи Мадзини. Онъ сооруженъ
при небольшомъ заливѣ, на пріят-
номъ холмѣ, который съ одной сто-
роны нечувствительно склоняется
въ волны шумнаго океана, съ дру-
гой ограничивается горами, покры-
тыми дремучимъ лѣсомъ. Сіе мѣ-
стоположеніе обогащено живопис-
ными красками Напуры, и сіи
развалины сохранили древнее свое

величіе. Оспашки сего нѣкогда пышнаго зданія, дѣлая пропивоположной видѣ съ глубокимъ уединеніемъ, посреди его царствующимъ, наполняютъ душу зрителя любопытствомъ и меланхоліею. Во время путешествія моего въ странахъ отдаленныхъ я посѣщала сіе мѣсто. Однажды, идучи по разбросаннымъ обломкамъ камней, лежащихъ на обширномъ полу зданія, и будучи поражена огромностію сихъ развалинъ, я мысленно переносилась въ шѣ времена, когда стѣны сіи гордо возвышались въ первоначальномъ своемъ величіи; когда въ залахъ онаго — семь убѣжищъ великолѣпныхъ пиршествъ, раздавались го-

лоса шѣхъ, коихъ смерть давно уже похишила съ лица земли. « И съ нами послѣдуетъ такая же участь! сказала я; всѣ равно умрутъ, всѣхъ имена предадутся забвенію, какъ угнѣшаемаго бѣдностію, шакъ и шого, кошорой плавалъ въ шумномъ морѣ удовольствій. » При семъ размышленіи сердце мое спѣснилось. Я со вздохомъ удалялась отъ сей величественной сцены, и въ нѣкошоромъ опдаленіи увидѣла пущынника съ поникшею главою, углубившагося въ задумчивость; — его положеніе дѣлало разительную опшѣнку въ сей рѣдкой картинѣ. Наконецъ онъ примѣшилъ меня; взоры наши встрѣтились. — Онъ остано-

вился, и приспально смопря на развалины: « Въ эпихъ спѣнахъ, сказаль онъ, обипали нѣкогда распушсшво и пороки; но всемогущая рука Провидѣнія показала надъ ними примѣрь Своего правосудія. Съ того времени они осшавлены, и никшо не желаешъ способсшвовашъ ихъ паденію.» Слова сіи возбудили во мнѣ любопышсшво, и я просила добродушнаго спарца разсказашъ мнѣ подробно произсшсшвія, о копорыхъ онъ даль мнѣ почувсшвовашъ.

« Важна и поржесшвенна испорія сего замка, сказаль онъ; но очень продолжисшельна и шакъ запушанна, что я не въ сосшояніи разсказашъ вамъ ее подробно. Она содержисшся

въ одномъ манускриптѣ въ нашей библіотекѣ , которой прочиташъ вамъ доставишь постараюсь. Братъ нашего Ордена , происходя отъ фамиліи Мадзини , собралъ важнѣйшія приключенія сего дому , и оставиль сіи записки въ нашемъ монастырѣ. Еслили вамъ угодно , я могу васъ шуда проводить.»

Я слѣдовала за старцемъ въ его монастырь. Онъ повель меня къ Начальнику , которой показался мнѣ человѣкомъ умнымъ и добросердечнымъ. Я провела съ нимъ нѣсколько часовъ въ пріятныхъ разговорахъ ; мои чувствованія ему понравились. Онъ позволиль мнѣ сдѣлать извлечение изъ исторіи , которую мнѣ

принесли. Я предложу здѣсь ее въ нѣсколькихъ страницахъ, присовокупя къ тому нѣкошорыя подробности, слышанныя мною отъ Начальника.

Ю Л І Я ,

ИЛИ

ПОДЗЕМЕЛЬЕ МАДЗИНИ.

Г Л А В А І.

Въ концѣ шестяго столѣтія замокъ сей принадлежалъ Фердинанду, пятому Маркизу Мадзини, и нѣсколько лѣтъ былъ обыкновеннымъ мѣстомъ его пребыванія. Сей Маркизь отличался отъ прочихъ надменныхъ характеромъ и сильною страстію къ женщинамъ. Онъ сочетался первымъ бракомъ съ Луизою Бернини, вѣдому дочерью Графа Саларіо, молодою, привлекательною особою какъ по красотѣ своей, такъ и превосходнымъ добродѣтелямъ. Она умерла оставивъ по себѣ мужу своему сына и двухъ дочерей.

Причиною преждевременной смерти ея были жестокіе и худые поступки Маркиза, копорой вскорѣ попомъ женился на другой.

Марія Велорно, такъ называлась она, была рѣдкая красавица; но ни мало не сходствовала съ характеромъ Луизы. Она любила удовольствія, независимость и свѣтскія удовольствія.

Мадзини, преисполненный нѣжностію ко второй супругѣ своей, очень мало занимался дѣтьми, копорыхъ имѣлъ опъ первой. Онъ поручилъ воспитаніе двухъ дочерей своихъ одной дальней своей родственницѣ, женщинѣ, коперая съ похвалою могла исполнить сію благородную обязанность; — имя ея Госпожа Менонъ.

Деревня скоро наскучила новой Маркизѣ; такая женщина могла только ужиться въ одной столицѣ. Неаполь сдѣлался всегдашнимъ пребываніемъ двухъ супруговъ, и сынъ Луизы туда же за нимъ послѣдовалъ.

Какъ Маркизь ни былъ гордъ, но жена

его была хитрѣе , чѣобы взять надъ нимъ преимущество , и онъ первой повиновался тамъ , гдѣ самъ думалъ повелѣвать ею. Вся шайна соспояла въ томъ , чѣобы обмануть его гордость ; и женщины знаютъ эту шайну !

Случалось иногда , по еспѣ одинъ разъ въ году , чѣо онъ прѣѣзжалъ въ замокъ Мадзини , гдѣ были заключены съ своею наставницею обѣ его дочери ; пребовалъ опчепна въ ихъ успѣхахъ , и давалъ правила Гжѣ. Менонъ , какъ ей веспи себя въ разсужденіи своихъ воспитанницъ. Попомъ возвращался въ Неаполь , и не прежде показывался въ замокъ , какъ на слѣдующій годъ.

Къ счастію молодыхъ дѣвиць , онѣ имѣли довольно способовъ къ полученію совершеннаго воспитанія. Госпожа Менонъ всю жизнь свою провела въ большемъ сѣтѣ ; душа ея украшена была благороднѣйшими качествами ; ея разумъ былъ щательно образованъ. Будучи одарена отъ природы психимъ и шерпѣливымъ характеромъ ,

она имѣла , не такъ какъ большая часть наставницъ , глубокое знаніе человѣческаго сердца — знаніе , коимъ не лзя владѣть тому , кто провелъ цѣлшущія лѣта свои въ посредственномъ состояніи , удалясь отъ свѣта и шумныхъ его веселій.

Обѣ сестры при рожденіи своемъ получили сѣмена превосходныхъ дарованій и добродѣтелей. Къ привлекательному виду онѣ присоединяли прелестной даръ , столь рѣдкой и драгоценной даръ Неба — нравиться при первомъ взглядѣ.

Эмилія , старшая , была прекрасная блондинка. Она имѣла всю пріятность своей мащери ; благородство души сіяло въ ея взорахъ ; ея сердце было чувствительное , доброе и снисходительное.

Юлія , меньшая сестра ея , имѣла характеръ живѣе. Къ блистательной наружности присоединяла она дѣйтельное , пламенное воображеніе. Иногда будучи рѣзва до безконечности , она тотчасъ поправляла ошибку свою съ такою пріятностію , что не лзя не любить ее. Все прогало ея сер-

дце. Слезы чувствительности не рѣдко кашились изъ очей ея; — проходила минута — и невинныя забавы изглаживали черты невольной меланхолии. Прекрасные черные глаза, темные падающіе въ локонахъ волосы, превосходная станъ, физіогномія исполненная прелестіей: — такова была Юлія на зарѣ своей молодости.

Уединеніе, увеличивающее грубость въ людяхъ обыкновенныхъ, даетъ молодой, благовоспитанной особѣ нѣкоторую оригинальность въ мысляхъ и чувствованіяхъ, — и сія оригинальность всегда почти умножаетъ прелести. Будучи чужда спремительности подражать другимъ, привычки къ единообразію, непреоборимаго желанія одѣваться по модѣ, что въ большихъ городахъ имѣетъ вліяніе не только на платье, но на мысли, желанія, пошунки и самый образъ изъясненія, — она всегда съ собою, естли можно сказать и какимъ образомъ. Все, что ни говоритъ, все, что ни чувствуетъ — ея собственное. Она подражаетъ Природѣ своею прошлою; людскимъ обыкно-

ніямъ — своимъ упражненіями ; въ помѣ и другомъ избѣгаешь опасныхъ спранныхосней , романической глупости , а особливо чрезмерности : — такая дѣвица въ 18 лѣтъ скорѣе плѣняетъ , нежели наши горожанки , которыхъ наука нравишься состоить въ подражаніи другъ другу .

Гжа. Менонъ жизнь свою провела въ горестяхъ ; дни ея пропекали въ бѣдствіяхъ ; однакожь подлѣ воспитанницъ она забывала иногда печаль свою . Эмилія однимъ взглядомъ упѣшала ее ; Юлія рѣзвыми и невинными ласками разсѣявала и малѣйшіе слѣды ея горести ; упражненіе въ живописи и музыкѣ служило самымъ сильнымъ развлеченіемъ . Гжа. Менонъ свѣдуща была въ обѣихъ сихъ искусствахъ , на которыя посвятила всю жизнь свою . Сообщаешь оныя двумъ дѣвицамъ она почитала себѣ не за шутку , но за величайшее удовольствіе . Эмилія рисовала ; люпина была любимымъ инструментомъ Юліи — она играла на ней совершенно .

Замокъ Мадзини былъ огромное и непра-

вильное зданіе. Казалось, онъ предназна-
ченъ былъ для пріема той многочисленной
свисты послѣдователей, копорые пѣс-
няпса вокругъ знапныхъ людей либо во
время мира, или когда возгораепса мяпе-
жная война. Небольшая обыпаемая часть
его имѣла видъ мрачной и пуспинной опъ
чрезмѣрно пространныхъ комнапъ и длин-
ныхъ галлерей, въ нее ведущихъ. Мелан-
холическая тишина царспвоваала въ сихъ
огромныхъ залахъ, и часто проходила
нѣкопорая часть дня, такъ что ни малѣй-
шій шумъ не нарушалъ владычеспвоваща-
го тамъ безмолвія.

Юлія каждой день показывала изящной
вкусь. Она съ удовольспвіемъ занималась
чпеніемъ, и по вечерамъ удалялась въ
свой кабинетъ, гдѣ собраны были ея
любимыя книги. Онъ находился на за-
падномъ углу замка. Въ окно, обращенное
къ морю, видѣнь былъ на краю неизмѣ-
римаго горизонта берегъ Калабріи, усѣ-
янный каменистыми горами; въ другое
часть замка съ сосѣдспвенными лѣсами.

Музыкальные инструменты, употребляемые Юліею для разнообразія своихъ увеселеній, расположены были въ прекрасномъ и нѣсколько отдаленномъ отъ прочихъ покоевъ кабинетѣ. Тамъ видны были разныя украшенія собственнаго ея изображенія, и много рисунковъ, оживленныхъ кистию сестры ея. Сей кабинетъ имѣлъ сообщеніе съ ея комнатою, и опдѣлялся отъ покоевъ Гжи. Менонъ небольшою галлереею; за сею галлереею была другая длинная и изгибистая, ведущая на большую лѣспницу, находящуюся въ концѣ сѣверной залы, по которой ходили въ главные покои замка.

Комната Гжи Менонъ находилась между обѣими галлерееми. Въ одномъ изъ сихъ покоевъ она проводила каждое утро, занимаясь ученіемъ своихъ воспитанницъ. Изъ оконъ видно было обширное море. — Обѣдали всегда въ нижнемъ этажѣ.

Человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, по имени Винцентъ, находившійся въ замкѣ, съ давнихъ лѣтъ привязанный къ Маркизу,

обучавшій двухъ сестеръ Географіи и Импаліанскому языку, обыкновенно имѣль спольсь ними.

Въ прекрасные лѣтніе вечера небольшое общество ужинало въ павильонѣ, построенномъ на холмѣ, среди рощи, принадлежащей къ замку. Съ сего мѣста взоры покоялся на неизмѣримомъ пространствѣ земли и воды. Здѣсь представлялся глазамъ проливъ Мессинской, прямо въ виду берегъ Калабріи, и множество дикихъ и живописныхъ мѣстоположеній Сицилійскихъ; тамъ гора Этна, увѣнчанная всегдашними снѣгами, и вершиною своею перяющаяся въ облакахъ, образуетъ величественную сцену на сей карпинѣ; — далѣе видѣнь городъ Палермо съ высокими башнями. Юлія, приспально смотря на его блистательныя пирамиды, представляла себѣ ихъ красоты, которыя должны воспрѣпиться въ семь городѣ, и тайно вздыхала, думая, что она удалена отъ свѣта изъ одной ревности Маркизы. Въ самомъ дѣлѣ, сія женщина, опасаясь

красоты Эмилии и Юлии, употребила всю власть свою надъ сердцемъ Маркиза, дабы заключить ихъ въ уединеніи; и хопя одной было уже двадцать лѣтъ, а другой осмнадцать, но обѣ сесипры никогда не оспавляли сего помѣстья оица своего.

Такимъ образомъ, любезныя дочери Маркиза Мадзини жили въ глубокой неизбѣспноспи. По крайней мѣрѣ можно сказать, что онѣ были счастливы; потому что, не зная свѣта, онѣ не жалѣли о томъ, что не наслаждались его удовольствіями. Если блиспательныя карпины раждались иногда въ Юлиномъ воображеніи, и она вздыхала; если изъ одного любопытства желала знать на самомъ дѣйствии ту сцену, копорой не была свидѣтельницаю: то принималась почасти за обыкновенныя свои забавы, и отдавая ошь себя мечпанія, наслаждалась мирнымъ удовольствіемъ. Книги, музыка и живопись служили ей упражненіемъ въ свободное время. Часпо прекрасныя лѣпніе вечера проходили въ павильонѣ, гдѣ

пріятные разговоры Гжи. Менонъ, люпня Юліи и чувствительность Эмилиі, сливаясь вмѣстѣ, образовали для нихъ нѣкоторое щастіе, которое могутъ чувствовать только нѣжныя, благородныя души. Гжа. Менонъ имѣла привлекательной разумъ; ея воспитанницы умѣли его цѣнить, и старались по ней образовать себя.

Вечеру послѣ знойнаго дня, небольшое общество ужинало въ павильонѣ. Свѣжій воздухъ, прекрасная ночь, удержали ихъ тамъ долѣе обыкновеннаго. Возвращаясь въ замокъ, они чрезвычайно удивились, примѣтя свѣтъ, проникавшій сквозь ставни оконъ, въ необитаемой долгое время части замка и навсегда запертой. Онѣ оспанавливаются, чѣмъ лучше разсмотримъ его; но огонь исчезаетъ. Гжа. Менонъ, возмущенная симъ явленіемъ, послѣшно входитъ въ замокъ, желая узнать тому причину. Винценъ встрѣтился ей въ сѣверной залѣ. Она рассказываетъ ему все, что видѣла, и проситъ его сыскать ключи отъ пѣхъ покоевъ.

Она боялась, не пришелъ ли какой разбойникъ ограбить замокъ. Оставивъ пушиной сѣпяхъ въ такомъ случаѣ, о которомъ развѣдать почтала свою должность, Гжа. Менонъ созвала всѣхъ служителей, и вознамѣрилась сама ипши съ ними осмопрѣпъ замокъ. Винценпъ смѣялся ея безпокойству и приписывалъ его мечшамъ, копорья наступившая ночь произвела въ ея воображеніи. Но Гжа. Менонъ не оспшавала опъ своего намѣренія, и, послѣ долговременнаго исканія, нашли на концѣ большой ключъ, покрытой ржавчиною. Она приходипъ съ Винценпомъ къ нолуденной часпн замка, въ провожаніи слугъ, коихъ неперпѣливоспъ боролась съ ужасомъ. Ключъ вкладываюпъ въ замокъ желѣзной двери; она опворяется на дворъ, опдѣляющій сію связь опъ прочихъ часпей замка; входяпъ на дворъ, зароспшій правою, идупъ по лѣспницѣ, и находяпъ вверху широкую дверь, копорую хопяпъ опворить. Тщепно прибирали всѣ ключи, должно было оставипъ сіе мѣспо, не удо-

влепворивъ любопытству. Между тѣмъ все было спокойно, и свѣтъ бодѣ не показывался. Гжа. Менонъ скрыла спрахъ свой и всѣ разошлись.

Сіе произшествіе сдѣлало глубокое впечатлѣніе въ душѣ Гжи. Менонъ, и послѣ она долго не ходила въ павильонъ по вечерамъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ, прошедшихъ безъ всякаго опкрытія, предспавился новой случай къ безпокойству. Въ одну ночь Юлія пробыва въ кабинетѣ долѣе обыкновеннаго; любимая книга заняла ея вниманіе долѣе того времени, въ которое она ложилась въ постель. Всѣ жители замка давно уже погружены были въ глубокомъ снѣ. Колоколь на башнѣ ударилъ часъ и вывелъ ее изъ сего забвенія. Она вспяелъ посиѣшно и идешь въ свою комнату; но красота ночи заспавила ее подойти къ окну; она опворяелъ его и, смотря, какъ серебряный мѣсяцъ освѣщаелъ мрачной дѣсь, выпавилась изъ окошка. Она не долго была въ такомъ положеніи, какъ вдругъ увидѣла слабой

свѣтъ, которой, казалось, мелькалъ въ пустой части замка. Внезапный перепугъ объялъ ее, и она едва могла успѣяшь на ногахъ.

Черезъ нѣсколько минутъ свѣтъ исчезъ. Юлія увидѣла пономъ очень ясно фигуру человека, вышедшаго изъ маленькой двери башни, съ огнемъ въ рукѣ. Онъ шель вдоль по стѣнѣ, достигъ до ближайшаго угла — и исчезъ.

Пустель Читашель представилъ себѣ ея ужась! Она побѣжала въ комнату Гжи. Менонъ, рассказала ей о семъ приключеніи; созывающъ служителей — и смятеніе сдѣлалось всеобщимъ. Всѣ собрались въ большой залѣ. Гжа. Менонъ приказываетъ итти на дворъ, и осмотрѣть кругомъ башню. Ни одинъ слуга не смѣлъ на то отважиться. Спрахъ овладѣлъ всѣми.

Въ это время приходилъ доброй Винценгъ. Тщешно звали его. Нѣкопорья дѣла его удерживали. Онъ удивился, нашедъ всѣхъ въ такомъ безпокойствѣ; рассказываетъ ему причину всеобщаго страха.

Онъ повпоряешъ приказъ , осмопрѣшь замокъ , и самъ идешь впереди . Они пробѣгають съ одного конца до другаго , часто содрогаясь отъ ужасу , и , послѣ долгихъ поисковъ , возвращаючися , не видавъ и не нашедъ ничего чрезвычайнаго .

Не легко успокояишь боязливыхъ . Чувство страха глубоко нанецапилось въ всѣхъ въ мысляхъ . Чшо это за огонь , являющійся въ необитаемомъ мѣстѣ ? Чшо за человекъ , вышедшій изъ башни ? Какимъ чудомъ скрылся онъ отъ всѣхъ взоровъ ? — Отъ такихъ примѣчаній , повпоряемыхъ , увеличиваемыхъ , пересказываемыхъ поселянами замка , произошло всеобщее мнѣнiе , чшо въ полуденномъ спроенiи , а особливо въ башнѣ , обитають сверхъ-естественныя силы , какъ-то : колдуны , вѣдьмы , духи , мерзавцы .

Съ какою радостію Господа и служители , которые вмѣстѣ проводили въ залѣ весь остатокъ ночи , увидѣли первые лучи дневнаго свѣта ! Призраки , раждавшіеся въ смущенномъ и разгоряченномъ

воображеніи, исчезли вмѣстѣ съ мраками ночи. Благодѣтельное свѣтило, капающее надъ нами, не только оживляетъ Природу, согреваетъ, освѣщаетъ ее и все живущее на землѣ; но возвращаетъ душѣ нашей бодрость, возмущенную ночными мечтами; даруетъ намъ твердость и спокойствіе. Ободренные его свѣтомъ, мы побѣждаемъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ всѣ призраки, рождающіеся опъ обманчивыхъ сновидѣній и пягоспной безсонницы.

Въ слѣдующую ночь, и многія другія, караулили въ окрестностяхъ башни и полуденнаго спроенія, и никто ничего не примѣтилъ. Преспарѣлый Гинценсъ самъ всегда почти ходилъ дозоромъ и своимъ присуспвіемъ возвращалъ служителямъ бодрость, которые однако опъ того не менѣе были увѣрены, что духи обитали въ замкѣ.

Но Гжа. Менонъ никакъ не вѣрила симъ луснымъ разговорамъ. Она вознамѣрилась еспли какой нибудь чрезвычайной случай произведетъ новое смятеніе, уведомить

Маркиза , и просишь , чпобъ онъ прїѣхаль.

Маркизь жилъ тогда въ Неаполѣ среди забавъ и удовольствій , и никогда почпи не вспоминалъ о дочеряхъ своихъ и почпенной ихъ наспавницѣ. Занявшись воспитаніемъ сына , которой соопвѣтствоваль нѣжнымъ его попеченіямъ , онъ сполько старался вдохнуть въ него гордость свою , сколько любилъ свою супругу. Но сія вѣтренная , свѣтская женщина не плапила ему взаимною любовью. Инприги ея были очень многочисленны ; шолько бы молодой человекъ имѣлъ привлекательную наружность и нѣкоторыя достоинства , по непременно дѣлался предметомъ спраспи Маркизы , которая всякой день болѣе и болѣе ослѣпляла легковѣрнаго супруга.

Графъ Вереза былъ молодой , прекрасной мущина ; благородной видъ его , разумъ , укращенный познаніями , скромные поступки и чрезвычайная учпивость вскружили голову и заразили сердце

Маркизы. Она рѣшилась побѣдить Графа, копорой казался нечувствительнымъ. Онъ успоялъ пропивъ перваго нападенія.— Должно было объясниться.—Графъ почтительно опвергнулъ ея предложенія. Маркиза была въ опчаяніи; до сихъ поръ вездѣ приносили жерпвы ея красотѣ, богатству и значности; для всѣхъ лестны были ея оковы; всѣ упоевались ея благосклонностию. Какой неожиданной случай для женщины, привыкшей къ побѣдамъ! Какое униженное поношеніе, копорому подвергло ея сопротивленіе молодаго человѣка! Графъ, внимая гласу чесни, думалъ, что шому, кого почитаетъ Маркизь — кшо искренній другъ его сыну, не возможно вступишь въ шѣсное знакомство съ супругою одного и мачихою другаго.

Въ это время преспарѣлый Винцентъ сдѣлался боленъ. Жизнь его угасала; болѣзнь была неизлѣчима; Докшора сказали, чтобы онъ приготошлялся къ смерти. Онъ желалъ видѣть Маркиза', ко-

порому, по словамъ его, хотѣлъ сообщить важную тайну. Нарочной былъ отправленъ въ Неаполь. Къ тяжкой его болѣзни присоединилась неуспѣшная горечь. Многократно слышали, какъ рыдалъ онъ на одрѣ смертномъ. Раскаянія, угрызенія совѣсти, казалось, раздирали его душу.

Приближаясь къ послѣднему концу своему, онъ попросилъ духовника, и очень долго пробылъ съ нимъ наединѣ. Потомъ совершили надъ нимъ обряды Религіи. Почувствовавъ, что ему остается жить нѣсколько уже минулъ, онъ велѣлъ позвать Гжу. Менонъ, чтобы съ нею проспиться.

Когда она вошла къ нему, по холодной попѣ покрылъ охладѣвшее чело умирающаго. Онъ съ великимъ трудомъ могъ взглянуть на сію женщину. Винценцъ сдѣлалъ знакъ рукою, что хочетъ спастись съ нею наединѣ, и всѣ удалились.

Потомъ, усиливаясь превозмочь задушающую его болѣзнь и сказать нѣ-

сколько словъ , онъ произнесъ скорбнымъ голосомъ : Я надѣялся , сударыня , что Маркизь прїѣдетъ прежде послѣдняго конца моего ; но я обманулся. Небо , которое призывалъ я , отвергло молитву несчастнаго , незаконнаго грѣшника . . . Какую важную пайну долженъ я открыть вамъ ! Ахъ ! у меня не доспаеетъ силы рассказать ее вамъ .

Къ чему итакъ сокрушаться , Винценцъ , отвѣчала сія почтенная женщина . Богъ никогда не оставляетъ слабыхъ твореній Своихъ . . . Вы знаете безконечное Его милосердіе . Чистосердечное раскаяніе . . .

Нѣтъ , сударыня , раскаянія не довольно . Должно поправить зло . . . Узнайте невѣроятно происшествіе . Примите сіе признаніе , которое я вамъ только могу сдѣлать . Въ полуденной части замка . . .

Смерть поразила спарика прежде , нежели онъ могъ кончить . Внезапное изнеможеніе пресѣкло его слова . Ничто не могло продлить его жизни . Онъ испустилъ послѣдній вздохъ .

Такая нечаянная смерть нимало не удивительна. Спаросить и болѣзнь пригословила ее нѣкопорымъ образомъ. Но сіюль важное признаніе прекратилось въ то самое мгновеніе , когда оно могло рѣшившись есѣ догадки , всѣ неизвѣспности.

Наконецъ входящъ въ комнату Винченца. Гжа. Менонъ даетъ приказанія , кащающіяся до похоронъ. Возвращаясь къ себѣ и предспавивъ всѣ обстояпельспва сего явленія , она рѣшилась хранить глубокое молчаніе при своихъ воспитанницахъ.

Приведя себѣ на память , что Маркизь , препоручая ей замокъ , и отдавая ключи опъ всѣхъ жилыхъ комнатъ , сказалъ , что ключи опъ полуденной части , копорая должна была оснащаться пустою , пошеряны. Не будучи любопытна , она очень мало думала о невозможности , посѣтивъ сіи пустыя комнаты , и никогда объ этомъ не заботилась. Но сообразивъ въ мысляхъ сіи различные случаи — сіи внезапныя явленія , и шемное , недокончанное признаніе Винченца , Гжа. Менонъ не

могла не предаться размышленіямъ о спеченіи такихъ снранностей.

Маркизь пріѣхаль въ замокъ на другой день послѣ Винценповой смерти. Онъ вышелъ изъ кареты у самихъ воровъ , въ сопровожденіи нѣсколькихъ служивелей. Неперѣливоспъ и безпокойство изображалось на лицѣ его. Гжа. Менонъ съ двумя воспитанницами своими вспрѣтшила его въ большой залѣ. Онъ разспрашиваль о всѣхъ подробностяхъ кончины Винценповой. Гжа. Менонъ сказала ему , что его смерти преслѣдовало нѣкоторое признаніе, которое она можетъ отккрыть только ему одному. Эмилиа и сестра ея вышли.

Безпокойство Маркиза часъ опчасу возрастало до шѣхъ поръ , пока узналь онъ , что внезапная смерть его повѣреннаго оспановила разглашеніе пайны, которая , казалось, Маркизу была не неизвѣстна. Онъ бросилъ въ креслы , и часпо кидаль на Гжу. Менонъ грозные , пронцашельные взоры. Онъ даже сдѣлаль

ей нѣсколько вопросовъ , на копорые она отвѣчала ему съ спокойнымъ видомъ ; изъ чего Маркизь увѣрился , что она не знаетъ ничего болѣе , кромѣ того , что видѣла и слышала , и что она мало заботилась проникнуть сію тайну. Гжа Менонъ сказала ему , что все заставляешь вѣрить , что въ полуденномъ спроеніи заключаются нѣкоторыя любопытныя и важныя предметы ; но Маркизь , прервавши вдругъ разговоръ , оставилъ Гжу. Менонъ , пошелъ въ комнату Винценцову ; и долго пребылъ тамъ.

Одинъ служившій замка , по имени Робертъ , которому Маркизь сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ , уведомилъ его , что Винценцъ положенъ въ ближайшемъ монастырѣ Св. Николая. Тутъ показалось ему кснати поговорить нѣсколько о привидѣніяхъ , объ огнѣ , о мерцвецахъ , которые такъ напугали его и всѣхъ его поварищей. Но Маркизь грознымъ взоромъ прекратилъ сей вздоръ , и запретилъ ему , подъ опасеніемъ быть сосла-

ну , никогда не говоришь объ этомъ , кому бы по ни было .

Кончивъ всѣ подробности , относящіяся до смерти Винченца , Маркизь возвратился въ Неаполь ; но торжественный случай принудилъ его чрезъ нѣсколько дней опять прѣхать въ замокъ Мадзини .

Фердинандъ , сынъ его , братъ Эмилии и Юліи , достигъ совершенныхъ лѣтъ . Сія эпоха должна была ознаменоваться семейственнымъ праздникомъ , и Маркизу казалось , чтобъ сему торжеству приличнѣе совершиться въ замкѣ . При семъ случаѣ хотѣлъ онъ соединить дѣтей своихъ и познакомить ихъ между собою , попому что ихъ разлучили еще въ младенчествѣ , со времени смерти ихъ матери .

Еслили отецъ имѣеть право гордиться достоинствами своихъ дѣтей : то Маркиза можно извинить въ сей слабости . Молодой Фердинандъ соединялъ въ себѣ всѣ превосходныя дарованія , разумъ и

любезность характера съ благородною и привлекательною наружноспію. Всѣ надѣялись , что сей молодой человекъ , достойный знапныхъ своихъ предковъ , займешь съ похвалою нѣ великія должности , къ копорымъ онъ былъ предназначенъ.

Сестры его , подъ смотрѣніемъ Гжи. Менонъ , сдѣлались чрезвычайно любезны. Ихъ спаланшы доведены были до совершенства. Въ Самомъ Неаполѣ онѣ могли почестся двумя превосходнѣйшими дѣвицами.

До сего времени проводили онѣ единообразную и уединенную жизнь ; но она воспріяла новой видъ опъ великолѣпнаго торжества , пригошоваемаго по повелѣнію Маркиза. Супруга его послѣдовала за нимъ ; знатнѣйшее Неапольское Дворянство прибыло съ нею. Графъ Вереза обѣщаль также провожать Маркизу.

Двѣ сестры , хопя не имѣвшія никакого понятія о кокетствѣ , желали однако показаться съ выгодною въ блистатель-

номъ обществѣ Маркизы. Гжа. Менонъ дала имъ превосходные уроки въ шрудномъ искусствѣ, съ похвалою выступивъ на сцену большаго свѣта. Робкая стыдливость, происходящая отъ скромности и благоразумной недовѣрчивости къ самому себѣ, придавала имъ чрезвычайную пріятность, обворожающія прелести.

Юлія, чувствительная Юлія, которая во всякомъ предметѣ, во всякомъ цѣльбѣ, ппичкѣ, занимательной бездѣлькѣ, находила новыя причины къ разсѣянію и удовольствію, не могла безъ внутренняго движенія видѣть приближающейся минутой, когда найдешь любезнаго брата, котораго никогда не видала, — котораго чрезвычайно желала узнать. Сравнивая единообразную, сельскую жизнь свою съ очаровательными картинками, рождающимися въ ея воображеніи, — она увѣрилась, что прежняя жизнь ея была только цѣль скучныхъ и горестныхъ дней, и думала только о томъ, какъ ей

показапья среди блиспапельнаго свѣ-
ща.

Любезныя дѣвицы пипались надеждоу и воображеніемъ , какъ вдругъ великой спукъ опъ повозокъ и лошадей издали еще возвѣспиль о прибытіи Маркиза , его супруги , Фердинанда , друзей ихъ и всей свиты.

Съ ними прѣхали и музыканты. Когда повозки вѣхали на дворъ , то звукъ трубъ возвѣспиль присуствіе обладателей замка. Юлія видѣла все великолѣпіе свиты изъ окна своей уединенной комнаты. Сердце ея билось при видѣ новыхъ явленій.

Вдругъ дворы и залы наполняются людьми и шумомъ. Сіи мѣста , бывшія до сего времени пусты и мрачны , сіяють новымъ блескомъ. Духъ живоспи и веселія распроспранился на всѣхъ лицахъ. Самъ Маркизь , забывъ свой мрачной и задумчивой виць , позволилъ на время радостной улыбки поселиться на его устахъ.

Маркиза , окруженная молодыми Испанскими Господами , между которыми опличался Графъ Вереца , казалась одушевленной удовольствіемъ при воззрѣніи на каршины , не вспрѣчавшіяся до сихъ поръ глазамъ ея. Она не была еще въ замкѣ Мадзини.

Юлія съ перваго взгляду примѣтила прекраснаго молодаго человѣка , которой подавалъ руку Маркизъ , когда она выходила изъ кареты , и которой велъ ея по крыльцу. Первая мысль ея была , что этотъ молодой человѣкъ могъ быть ея брашомъ , и въ эту самую минуту она почувствовала , какъ легко ей будетъ повиноваться приказанію родителей , любящихъ его нѣжно. Первое и внезапное впечатлѣніе! ты одно всегда почти опредѣляешь счастье , или несчастіе нашей жизни.

Маркизъ немедленно приказалъ позвать Гжу. Менонъ и дочерей своихъ. Онѣ приходили ; Маркизъ вспрѣчалъ ихъ , и предсказывалъ всему собранію , которое уже ожидало ихъ.

Всеобщее удивленіе изображалось на лицѣ каждого. Всѣ восхищались ихъ красою; Маркиза осыпала ихъ ласками. Гжа. Менонъ принимала опъ всѣхъ отличнѣйшее почтеніе.

Эмилиа, а особливо сеспра ея, горѣли неперпѣніемъ узнать своего брата. Наконецъ онъ подходитъ; — но эпо былъ не попъ молодой человѣкъ, котораго Юлія видѣла изъ окошка. Фердинандъ, братъ ихъ, былъ высокъ и спапнаго роспу. Видъ его былъ благородень, взоръ его нѣженъ и ласковъ; но эпо не былъ любезный незнакомецъ.

Всѣ прое обнимались нѣсколько разъ съ чрезвычайною нѣжноспію.

Сей вечеръ кончился великолѣпнымъ ужиномъ, послѣ котораго былъ прекрасной концерпъ.

Г Л А В А II.

Наступилъ день торжества. Обѣ сестры , ожидавшія его съ нетерпѣливостію , увидѣли на самомъ дѣлѣ пѣ пріятныя , смѣющіяся каршины , которыя раждались въ ихъ воображеніи. Юлія , одаренная чувствительностію болѣе сестры своей , — занимаясь болѣе неизвѣстнымъ чувствомъ , которое произвель въ ней Графъ Верега , — Юлія боролась со страхомъ и надеждою , которой не могла изъяснить самой себѣ.

Все сосѣдственное Дворянство было приглашено торжественнымъ образомъ. На другой день , поутру , Маркизь приказалъ , чтобы всѣ входы въ замокъ были отперты , и чтобы не только его подданные , но и жители ближнихъ деревень свободно прогуливались по садамъ его , и ласково были принимаемы.

Въ продолженіе предшествовавшей ночи, искусные маскера украсили главнѣйшіе покои обоями, мебелью и множествомъ другихъ уборовъ, привезенныхъ изъ Неаполя. Господа, слуги, женщины, любительные зрители, пробѣгая всѣ часни замка, изображали видъ изобилія, дышали удовольствіемъ и радостию въ стѣхъ мѣстахъ, гдѣ не давно царствовали пустоша и глубокое, меланхолическое молчаніе. Казалось, Маркизь вознамѣрился представить на самомъ дѣлѣ глазамъ своей фамиліи, друзей своихъ и подданныхъ — чудеса производимыя очарованіемъ Фей, или духовъ. Онъ старался брать участіе во всеобщей радости, — желалъ показатъ, что чувствовалъ восхищеніе, внимая звукамъ гармонической музыки, которая гремѣла въ саду и въ покояхъ. Съ веселымъ и ласковымъ видомъ принималъ онъ всѣхъ, которые приходили поздравлять его; но когда оставался одинъ, безъ свидѣтелей, по чертѣ лица его, казавшіяся веселыми

въ обществѣ, пропивъ воли его нечувствительнѣно перемѣнялись. Можно было примѣнить, что скука, печаль и даже, можетъ быть, угрызенія совѣсти возмущали его душу, терзали ее, и дѣлали нечувствительною къ удовольствіямъ, ее окружавшимъ.

Можно предсавить себѣ дневныя забавы. Взаимныя поздравленія о пришествіи Фердинанда въ совершенной возрастѣ, прогулки въ саду, богатой споль, занимали время до захожденія солнца.

При наступленіи ночи открылся великолѣпный балъ. Изъ всѣхъ удовольствій, въ обществѣ онъ безъ сомнѣнія есть самая лучшая забава, и можно сказать всеобщая. Тщеславіе, любовь и невинность въ одно время имъ наслаждаются. Тогда цвѣтущая юность, украшенная всѣми сокровищами уборовъ, — съ помощію всѣхъ средствъ, которыя изобрѣло искусство нравиться, соединяетъ, такъ сказать, свои прелести. Красота, пріятность, ловкость, непринужденный видъ

чувствительности и наслажденія , распро-
страняющійся на всѣхъ лицахъ — сунъ
такія могущественныя прелести , копо-
рымъ никакъ не лъзя пропивипься.

Съ чрезвычайнымъ блескомъ явилась
Маркиза на балѣ. Ея нарядъ ослѣплялъ
всѣхъ взоры. Головной уборъ былъ весь
въ бриліантахъ. Все искусство было
испощено, чпобы прелестпямъ ея придашь
уборъ самаго послѣдняго вкуса и изящ-
ности.

Двѣ прекрасныя сестры Эмилиа и Юліа,
одолжены всѣмъ блескомъ своимъ юности
и Природѣ. Сицилійская роба покрывала
прекрасной спанъ ихъ. Жемчужная повязка
соединяла ихъ волосы , завипые самою
Напурою. Ихъ украшеніе было такъ
просто , какъ ихъ невинное сердце ; но
это привлекало къ себѣ любовь и уди-
вленіе. Маркиза ослѣпляла всѣхъ ; ка-
залось , она владычествовала надъ всѣми
сердцами ; но они невольнымъ образомъ
стремились къ Эмилии и ея прелестной
сестрѣ. — Всѣхъ взоры и вниманіе обра-

щены были на нихъ во все продолженіе бала.

Фердинандъ и молодой Неаполитанская красавица Мапильда Констанція открыли балъ. По томъ Эмилія танцовала съ Маркизомъ Фадзети. Трудно изобразить радости и страха, которыми чувствовала любезная Юлія, когда Графъ Вереза, пощъ самой молодой человекъ, которому она удивлялась, просилъ ее танцовать съ собою. Она подала ему руку, съ удовольствіемъ согласившись прежде на его предложеніе.

Когда заиграла музыка — и Юлія приготовилась танцовать, то тихой шумъ удивленія слышанъ былъ во всѣхъ спорахъ залы. Бѣлоснѣжная грудь, мраморная шея, поддерживающая прекрасную голову, плѣнительныя черты лица, гдѣ царствовали вмѣстѣ скромность, красота и кропкое удовольствіе—приводили всѣхъ въ изумленіе. Но едва она сдѣлала первой шагъ, съ какимъ восхищеніемъ всѣхъ взоры слѣдовали за сею превосход-

ною чешою — за сими двумя молодыми людьми—образомъ и украшеніемъ своего пола! Танецъ окончанъ ; — уже Юлія сидѣла подлѣ сеспры своей Эмилии ; но глаза всѣхъ зрителей еще искали ее на помѣ мѣстѣ , гдѣ она танцевала. Глубокое молчаніе — знакъ изумленія и восторга, заступило мѣсто громкихъ плесковъ , копорые загремѣли наконецъ въ честь нашей Героинѣ.

Пышная Маркиза не предвидѣла , что дочери ея супруга лишатъ ее часми жертвъ , копорыя она себѣ пригопозляла. Еще менѣе могла она надѣяться , что двѣ молодыя дѣвицы , воспитанныя среди сельскаго уединенія , могли съ успѣхомъ явиться въ обществѣ , состоящемъ изъ отборнѣйшаго Неапольскаго Дворянства. Какъ можно было опасаться , чтобъ славнѣйшая женщина сей сполиты была побѣждена молодыми дѣвицами , копорыя первой еще разъ въ жизни своей вступили въ новый для нихъ свѣтъ!

Всего болѣе раздражили гордую сію

красавицу безпреспаннѣя изъявленія нѣжности, непрерывное вниманіе, съ какимъ Графъ Вереза занимался Юліею во все продолженіе бала. Исполненный первыми и сладостными чувствованіями, копорыя произвела въ немъ Юлія, онъ безпрестанно или приближался къ ней, или вдали ее разсмапириваль. Душа его, пересилившись въ его взоры, въ цѣломъ собраніи видѣла только Юлію.

Должно вспоминить, что Маркиза чувствовала къ Графу живѣйшую спрась; что, хотя она ясно показывала ему, какъ легко сему молодому человѣку пріобрѣсть ея благосклонность; но все ея спаранія были тщетны. Видя себя презрѣнною предметомъ непозволена спраси своей, примѣчая успѣхи соперницы, увѣренная проницательностію своего взора, что Юлія со временемъ будетъ или можетъ быть и сдѣлалась уже чувствительною къ Графу — она не могла не чувствовать ярости и мщенія. Мгновенно чувства нѣжной любви, сладостная

надежда воспламеннаго сердца , уступили мѣсто ненависти и безмѣрной ревности. Графъ , котораго она обожала , сдѣлался въ глазахъ ея лютымъ непріятелемъ ; Юлія , невинная , чувствительная Юлія , дерзкою дѣвчонкою , предметомъ гнѣва и мщенія.

Но она старалась показать , что принимаетъ участіе во всеобщемъ удивленіи , которое произвела Юлія. Она до того простила свое припворство , что осыпала ее нѣжными ласками. Но ядъ ненависти опъ того еще болѣе распространился во всѣхъ изгибахъ ея сердца. Насиліе , какое она себѣ дѣлала , показывая ложную нѣжность къ сей юной красавицѣ , еще болѣе увеличило ея зависть и бѣшенство.

Въ полночь двери гостиной залы разтворились въ садъ. Все общество пошло въ прелестномъ безпорядкѣ , по главной аллеѣ , въ паркъ , гдѣ Маркизь приготовилъ новое изумленіе , новымъ забавы.

Огненные пирамиды и гирлянды, размѣщенные по всѣмъ аллеямъ парка, замѣняли свѣтъ дневный. Разноцвѣтные огни расположенные живописнымъ образомъ, дѣлали чудесные и очаровательные виды. Вездѣ находились бюфеты съ плодами и прохлаждающими напитками. Невидимая гармонія присоединилась къ симъ волшебствамъ. Все юности разошлось по аллеямъ. Графъ искалъ Юлію; но она спаралась избѣгать сей шпигоспной и леспной вспрѣчи. Чпобы разбѣять перья, живыя свои чувствованія; чпобы сокрыпья опъ всеобщаго удивленія, она прохаживалась одна, или съ своею сестрою по нѣмъ аллеямъ, копорья были менѣ освѣщенны. Она взяла по томъ за руку брата своего Фердинанда и оказывала ему нѣжнѣйшія ласки.

Маркизь, казалось, обворожень былъ согласіемъ, царствовавшимъ между его дѣтьми. Онъ смопрѣлъ на нихъ съ любовію и чувствительностію нѣжнаго ро-

дипеля. Обыкновенная печаль его нѣсколько разсѣялась.

Что касается до его супруги, то она не могла испребитъ впечатлѣній ревности, возбужденныхъ въ ней побѣдою Юліи и любовію, кою порою воспламенился Графъ Вереза. Она оставила паркъ и удалилась въ освѣщенной и богато украшенный павильонъ, гдѣ пригоспвленъ былъ ужинъ.

За сподомъ, при которомъ было нѣсколько человекъ изъ общества Маркизы, находился Графъ Маріани. Сей знашой Господинъ довольно уже пожилой былъ, при знаменитѣйшихъ Европейскихъ Дворахъ; будучи учпивъ до чрезвычайности, онъ казался человекомъ спеленнымъ, испыпаннаго вкуса. Юлія очень ему понравилась. Это былъ одинъ изъ тѣхъ остроумныхъ и веселыхъ людей, которые имѣютъ право говорить все, и, подъ одеждою првлекательныхъ разговоровъ, скрывать злобную насмѣшку. Графъ Вереза, говорилъ онъ, под-

вергаются величайшей опасности поперянь зѣсь свою свободу. Вы увидите, что прекрасная Юлія смягчить это упорное, каменное сердце. Впрочемъ, кто такъ суровъ, что сманеть укорянь сихъ двухъ молодыхъ людей за то, что они охотно смирянь другъ на друга! Все, кажется, соединяешь ихъ. Всякой скажешь, что они соворены одинъ для другаго. Любезная Маркиза! постараемся ихъ соединить. Пусть Неаполь увидить щасливѣйшую чепу. Я очень увѣренъ, что для Графа не неприятно будетъ спосѣшесповать его благополучію.

Сколь тонкою насмѣшкою Графъ Маріани занималъ всѣхъ во время ужина; но сколь шулка сія была іягосіна для Маркизы! Она чрезвычайно желала прервать сей разговоръ, которой перзаль ея душу. Божусь честію, любезный Маріани, отвѣчала она ему, что вы бесполезно хвалите нѣжность Графа Врезы. Постоянная, строгая привязанность устрашаетъ его. Ибо брака для него

ужасно. Прекрасный и вѣпреный Графъ предпочишаепъ удовольствіе Неаполя;— онъ гораздо охотнѣе жерпвуепъ своимъ временемъ , своею любовію красопамъ сей столицы. Право , значило бы оказатъ ему очень худую услугу , предлагая пакія важныя намѣренія , такое великое обязапельство.

Защищайтесъ Графъ , сказалъ Маріани Графу ВезеѢ , которой находился ипупъ же въ павильіонѢ ; на васъ нападаюпъ. Маркиза называепъ васъ непостояннымъ , вѣпренымъ. Я хотѢлъ говорипъ въ вашу пользу ; но меня заспавили молчапъ.

Не знаю , опвѣчалъ Везеза , какими неумышленными поступками могъ я заслужипъ споль худое мнѢніе Маркизы. Кажепся , я не подалъ ей случая укоряпъ себя въ непостоянствѢ. Напропивъ шого , я чувспвую , прибавилъ онъ , нѢжно смотря на Юлію , что съ той минупъ , какъ я начну любипъ , сіе первое чувспвовање вѣчно будетъ обипапъ въ моемъ сердцѢ.

Ужь поздно, Господа, прервала съ до-
садою Маркиза. День былъ очень пріятенъ;
но безпрерывныя забавы упомляюпъ, шакъ
какъ и окончаніе сихъ разговоровъ. Вы
позволише намъ успокоишься.

Каждой пошелъ въ свою комнату. Ка-
кихъ размышленій Юлія, оставшись
одна, не дѣлала обо всемъ помъ, что
видѣла и чувствовала!

Она едва призналась самой себѣ, сколь
живое впечатлѣніе произвелъ въ душѣ
ея Графъ Верега. Вѣрное доказательство
сего впечатлѣнія, что она мысленно
представляла себѣ всѣ подробности по-
ступковъ Графа въ разсужденіи ея. Его
положеніе, взоры, самое молчаніе, без-
присраспно изъясненныя, могли ли увѣ-
ришь ее о взаимныхъ чувствованіяхъ
Графа? То, что она почла тогда изъ-
явленіями нѣжности и любви, было мо-
жетъ быть дѣйствіе одной учтивости,
или знаки любопытства и изумленія. Лю-
бить не быть любимой! какое горестное

востояніе для юнаго сердца, воспламененнаго первымъ огнемъ любви!

Размышляя болѣе о положеніи Графа до сего времени, не лзя было ей не сомнѣваться, что сей молодой чело-вѣкъ, одаренный всѣми преимущесвами юности, красоты и воспитанія, теперь только нашедъ любезную для себя женщину и опдалъ ей свое сердце? Не уже ли онъ за нѣмъ только пріѣхаль въ замокъ Мадзини, чтобы испытать первыя чувства любви,—чтобы найти тамъ милую Юлію! Сколь горестна была для нее мысль, что ей суждено любить молодого чело-вѣка, который можетъ быть носить уже другія оковы! —

Юлія не смыкала глазъ во всю ночь. Терзаемая безпокойствомъ, она вспала вмѣстѣ съ упренною зарею. Туалетъ ея непримѣтнымъ образомъ продолжался долѣе обыкновеннаго; по томъ, сидя въ своемъ кабинетѣ съ книгою въ рукѣ, она ожидала завтрака. Мысли ея были мрачны — чпеніе опривиспо. Наконецъ звонъ

колокольчика разсѣялъ ея задумчивость. Она пошла въ залу вмѣстѣ съ Эмилиєю, гдѣ собрались всѣ госпи; и хопя нѣжно любила сестру свою и открывала ей всѣ свои шайны; но на сей разъ ничего не сказала о своихъ чувспвованіяхъ; — едва она могла открыпья въ нихъ и самой себѣ.

Онѣ первыя пришли въ залу; другіе приходили послѣ. Маркизь, опецъ ихъ, поздоровался съ ними очень холодно. Видъ его былъ мрачнѣе и печальнѣе обыкновеннаго. Супруга его приняла ихъ не слишкомъ ласково. Фердинандъ, Вереза, Маріани и всѣ прочіе госпи явились. Юлія не смѣла взглянуть въ пу спорону, гдѣ сидѣлъ Графъ. Ей казалось, что самыя взоры ея прошивъ воли открывали шайну ея сердца.

Эпопъ день былъ шакже посвященъ удовольспвіямъ, какъ и прошедшій. Вечеру былъ огромный концертъ, въ которомъ все почти юношеспво принимало участіе, Фердинандъ игралъ на скрилкѣ;

Графъ , который превосходно игралъ на флейтѣ , аккомпанировалъ Юлію. Они вмѣстѣ играли новой сонатѣ. Сперва она робѣла; но примѣнясь къ Графу, получила болѣе твердости и играла съ чрезвычайнымъ искусствомъ. Прекрасные пальцы ея казались одушевленными. Концертъ кончился романсомъ, которой пѣла Юлія. Голосъ его былъ прелесть и прогапелень. Онъ наполнилъ души такою чувствительностію, что по окончаніи послѣдняго куплета у всѣхъ навернулись слезы.

Въ сію - то минуту Юлія имѣла бы случай проникнуть во внутренность Графа сердца, еслибы ея неопытность, ея невинность тому не препятствовали. Сей молодой человекъ, увлекаемый сильнымъ чувствованіемъ , которое кипало въ груди своей, позабылъ, что находился въ многочисленномъ собраніи , и что всѣхъ взоры были устремлены на него. Упоенный спрашпю , увлекавшею его къ Юлію, Графъ бросалъ на нее пламенные взгляды. Онъ не могъ насытиться пѣмъ,

что видишь и удивляешься ей; — онъ палъ бы передъ нею на колѣни, клялся бы ей въ вѣчной любви своей, есплибъ, вышедши вдругъ изъ восхищенія, не увидѣлъ, сколь пакой поспупокъ былъ не приличенъ и даже опасенъ.

Ночь, послѣдовавшая за симъ днемъ: споль же была гореспна для двухъ любовниковъ, какъ и прошедшая. Юлія, обуреваемая тѣмъ же мучипельнымъ безпокойствомъ, не могла заснушь ни на минушу.

Около двухъ часовъ утра Юлія; копорая не закрыла окошекъ, чтобы дышашь свѣжимъ воздухомъ прекрасной ночи, — копорая въ объятіяхъ задумчивости наслаждалась пишиною и глубокимъ безмолвіемъ всей Натуры, — вдругъ была испоргнута изъ своей меланхоліи шорохомъ лиспьевъ и пихимъ шумомъ, происходившимъ отъ неизвѣснаго человека, идущаго по аллеѣ сада и приближающагося къ окнамъ ея покоевъ.

Сквозь темношу и желѣзныя рѣшетки

Юлія щироно желала узнатьь его: ибо мезнакомецъ былъ закупанъ въ широкомъ плащѣ. Онъ держаль въ рукѣ люпню, — сѣлъ подь окномъ, и сдѣлавъ нѣсколько прогашельныхъ, жалобныхъ прелюдій, — запѣлъ :

Р О М А Н С Ъ.

О ночь! любовникъ здѣсь спеня,
 Не просишь у тебѣ покою;
 Твой мракъ ему милѣе сна,
 Покрой его своею пьюю
 И сонъ меня не побѣдишь.
 Но здѣсь одна любовь не спитъ
 Зульмира спонъ мой пусть услышитъ!

Опъ слуха всѣхъ я удалень
 Въ сіи минуты драгоцѣнны;
 Пусть голосъ мой — пусть лиры звонъ,
 Мученья мною прептерпѣнны
 Моей Зульмирѣ изъяснитъ.
 Но здѣсь одна любовь не спитъ,
 Зульмира спонъ мой не услышитъ!

За послѣднимъ куплетомъ повпорень
 былъ опривокъ превосходной аріи. За

вѣмъ послѣдовало молчаніе. Незнакомецъ удалился, и исчезъ во мракѣ ближней аллеи.

Сія сладоспная музыка доставила Юліи живѣйшее удовольствіе, и облегчила ея горесть. Хотя она сомнѣвалась въ чувствованіяхъ, которыя произвела въ Ипполитѣ Везевѣ, однако не могла не признаться сомою себѣ въ томъ, что два дни онъ безпреспанно при ней находился и танцовалъ съ нею; что мелодическіе звуки флейпы его придавали пріятность ея пѣнію; что онъ съ нѣжнѣйшимъ вниманіемъ занимался одною Юліею.—Наконецъ все показывало, что Графъ чувствовалъ, естли не пламенную любовь, то по крайней мѣрѣ истинное удивленіе нѣжной спраспи. Воображая всѣ сіи обстоятельствова, она съ увѣри- тельностію заключила, что ночной музыкантъ былъ точно самъ Ипполитъ. — Его голосъ, его музыка. Слабой лучъ свѣта, проникая сквозь покровъ ночи, далъ ей увидѣть, или по крайней мѣрѣ угадать его походку.

Утѣшительныя мысли заступили мѣсто первыхъ ея безпокойствъ. Освѣжающій бальзамъ разлился по вѣтвямъ ея жиламъ. Сонъ , доселѣ удалявшійся отъ очей ея , распространился по ея вѣтвямъ , и сладосныя мечпанія ласкали ея воображенію до гнѣхъ поръ , какъ она вспала.

Все сіе обнадеживало ее , что заря ея благополучія предвозвѣщала прекрасный день. Пришедши поутру въ залу , она внутренно жаловалась на медленность Верезы , который еще не являлся. Всякой разъ , когда двери отворялись , когда входилъ другой и обманывалъ надежду Юліи , которой всегда казалось , что вошелъ Вереза — всякой разъ сердце ея билось отъ досады и чрезвычайной неперпѣливости. Но она послѣ узнала , что Ипполитъ на самомъ разсвѣтѣ уѣхалъ въ Неаполь.

Такой внезапной отъѣздъ испровергнулъ замыслы двухъ женщинъ , воспламененныхъ къ Графу совѣмъ различными чувствованіями.

Графъ уѣхаль—и воздушное зданіе Юліна благополучія разрушилось. Куда дѣвались всѣ намѣренія, всѣ ея надежды! Какое упѣшеніе могла она найши для себя въ сей учпивости, въ сихъ хладныхъ взорахъ общества — взорахъ, копорые почитала она до сихъ поръ вѣрными знаками любви и нѣжности! Графъ пригласиль ея танцовать полько по случаю! Похвалы, копорыми онъ осыпаль ея, были полько обыкновенные разговоры, упопреляемые въ свѣтѣ. Не онъ пѣль прогашельной романсъ подь окномъ ея. Еспльи бы сердце его въ самомъ дѣлѣ было пронупо, то онъ конечно не удалиль бы съ такою неожиданною скороспїю изъ замка Мадзини.

Какъ щасплива я говорила она, что онъ не знаетъ моей слабости, и никогда ея не узнаеть! Такъ, сія пайна навсегда погребена будеть въ моемъ сердцѣ; до послѣдняго вздоху жизни будеть она шамъ хранишься. Никогда, никогда жестокой, нечувствительной Ипполинъ, не узнаеть

опь Юліи , что онъ возмутилъ покой ея и помрачилъ свѣтлое устро ея жизни.

Маркиза не могла скрыть своей горести , узнавъ , что Графъ ее оставилъ. Она надѣялась , что во время сихъ праздниковъ удастся ей заманить его въ свои сѣти. Во время прогулки на охотѣ , или на балѣ , рано или поздно (думала она) долженъ былъ онъ сдатьсь. Графъ , будучи чрезвычайно свѣдушъ въ искусствѣ пользоваться женскими прелестями , особливо въ минувшы упоенія , когда душа , расположенная къ удовольствіямъ , съ жаромъ ищетъ ихъ , — конечно не могъ избѣгнуть плѣняющей , очаровательной красоты женщины , которая испощала передъ нимъ всѣ обольщенія нѣжности , и представляла ему , такъ сказать , самой удобной случай къ побѣдѣ.

Еслили что нибудь услаждало ея горести , то это была мысль , что Ипполитъ , удалившись отъ нее , удалился вмѣстѣ и отъ Юліи. И такъ онъ къ обѣимъ былъ равно холоденъ ! Ни одна

изъ нихъ не овладѣла его сердцемъ ; и по тому она не имѣла причины спыдаться побѣды своей соперницы. Эта мысль нѣсколько ее утѣшила. — Праздники продолжались чрезъ цѣлую недѣлю. Каждой день она искала новыхъ удовольствій. Окруженная веселымъ юношествомъ, она раздѣляла восхищительныя его забавы. Тщепно хотѣла она разсѣять печаль свою ; и щепно участвовала въ забавахъ молодыхъ людей ; — образъ Ипполита всюду за нею слѣдовалъ. Пропивъ воли своей она безпрестанно думала о любви Графа къ Юліи. Она воспоминала о ихъ спрасныхъ взорахъ, копорые такъ часпо устремлялъ онъ на сію опасную соперницу , и копорые такъ глубоко были напечатлѣны въ ея сердцѣ. Такія горестныя мысли присоединялись къ чувствамъ ревности — и были новою пищею ея бѣшенству.

Яростная Маркиза мучила несчастную Юлію злобными насмѣшками , и смельными подробностями , копорыя,

будучи взяты въ особенноти , кажутся мало важными ; но вмѣстѣ подѣ печальною ненависти и оскорбленной гордоти , производятъ въ душѣ иного челоѣка на кого устремляюща — горесть , а иногда и самое опчаянїе .

Дни лепѣли за днями . Уже прошло нѣсколькo недѣль — и ничего не говорили еще о возвращенїи въ Неаполь . Маркизь объявилъ , что хочеть прожить въ замкѣ все лѣто . Маркиза не пропиворѣчила , и расположилась спать оспанься . Казалось , совсѣмъ забыла она о городскихъ увеселенїяхъ , и не хотѣла даже вспоминать объ нихъ . Предавшись совершенно сельскимъ удовольствїямъ и упѣхамъ , она старалась украсить новое жилище свое всѣми прїятностями , къ какимъ только было оно способно . Усиленными приглашенїями , копорымъ соопвѣпствовали друзья ея , она собрала въ замкѣ новое общество , правда многочисленное , но всегда отборное .

Часто прельщалась она красопою глав-

ныхъ комнапъ замка, копорыя занимала Гжа Менонъ съ двумя своими воспитанницами. Маркизь назначилъ ихъ для дочерей своихъ до окончанія ихъ воспитанія. А какъ онъ предполагалъ прїѣзжать въ сей замокъ на день или на два каждой годъ , по и слѣдовало , чпобы самыя лучшія комнапы были-защищаемы пѣми, копорыя шамъ всегда жели.

Маркиза , рѣшившись оспапъся съ супругомъ своимъ въ Мадзини до окончанія лѣпняго времени, объявила свое желаніе , чпо сама хочеть заняпъ эпи покои. Правда , ничего не могло быпъ величеспвеннѣе представляющагося оппуда зрѣлища. Взоръ перялся въ необозримоспи горизонпа , и въ одно время покоился по на берегахъ Сицилійскихъ , по на высокихъ горахъ Калабрїи. Корабли , проходившіе безпрестанно проливъ , оживляли сію великолѣпную карпину. Разноцвѣпные флаги ихъ , освѣщаемые лучами солнца, увеличивали красопу сего зрѣлища. Съ террасы галлерей открывалось все сіе

въ большемъ пространствѣ ; и потому въ величественнѣйшемъ видѣ.

Работникамъ приказано было приготовить новыя комнаты для прехъ друзей , и убрать со всею возможною красотою главные покои. Гжа. Менонъ, Эмилиа и сесира ея заняли часть комнатъ , примыкающихъ къ полуденной сторонѣ замка. По сему новому расположенію Юліа опять достался прекрасной кабинетъ , въ которомъ она шакъ любила проводить время.

Новыя комнаты ихъ были очень просторны. Маркизь приказалъ сдѣлать необходимыя поправки, снабдить ихъ нужною мебелью. Ихъ украсили превосходнымъ образомъ ; но свѣтъ дневный проходилъ туда чрезъ возвышенныя окна , сдѣланныя въ толстыхъ стѣнахъ , и потому всегдашняя мрачность придавала симъ комнатамъ видъ печальной и меланхолической.

Юліа , осмошрѣвъ въ часпи новаго своего жилища , узнала , что оно соеди-

нялось непосредственно съ полуденною спороною замка , копорая оспалась не-проницаемою для ихъ поисковъ. Тамъ воображеніе ихъ , возбужденное пашинспивенными приключеніями , никогда не было въ покоѣ. Эпо новое сосѣдство возмутило душу Юліи , и произвело въ ней чувство ужаса , коего она съ перваго разу никакъ не могла испребитъ. Она опкрылась въ помъ Гжѣ. Менонъ , копорая спаралась ободритъ ее , и поселить въ ея душѣ пвердоспъ , копорой сама не имѣла. Опказъ , сдѣланной ей Маркизомъ въ ключахъ , — признаніе Винценпа на смерпномъ одрѣ , приводили ее въ чрезвычайное сомнѣніе ; но она думала , что будетъ бесполезно и даже опасно пипаитъ и умножатъ спрахъ своей воспитанницы.

Но чего не сдѣлаешь привычка? Чрезъ нѣсколько недѣль исчезъ спрахъ Юліи , и она уже почипала его смѣшнымъ и дѣпскимъ. Сіе жилище сдѣлалось прелеспнымъ въ ея глазахъ. Однажды , пе-

рекладывая нѣкоторыя вещи въ комоды спаринной рабопы , находившіеся въ кабинетѣ подлѣ ея комнапы , нашла она въ одномъ ящикѣ порпурепь ; съ живописію схватила его , и разсмапривала съ великимъ вниманіемъ. Онъ представлялъ женщину около двадцати двухъ лѣтъ. На лицѣ ея напечаплѣвалась глубокая меланхолія ; благородство души , твердость , благочестіе изображались въ ея взорахъ , успримленныхъ къ Небу. При первомъ взглядѣ на эпопъ порпурепь , исполненной красопы и чувспвипельности , Юлія увидѣла , что сія женщина испышала жесточайшія горести. Эта мысль пришла такъ натурально при разсмаприваніи сей карпины , что Юлія чрезвычайно пронулась споль живо изображенными чувспвами. Сердце ея сжалось опъ горести , и слезы сосираданія невольнымъ образомъ полились изъ глазъ ея.

Гжа. Менонъ была свидѣпельницею всѣхъ ея горестей , всѣхъ ея мыслей. Юлія и въ семъ случаѣ не скрыла опъ

ней своихъ чувствованій — подала ей портретъ и рассказала, какимъ образомъ нашла его.

Гжа. Менонъ едва взглянула на живопись, и — въ ту же минуту узнала черты матери своихъ воспитанницъ. Она не почла за нужное скрывать сего оупь Юліи! Такъ, моя милая, вскричала Гжа. Менонъ, вы должны съ почтеніемъ и любовію взираеть на сей драгоценный портретъ. Онъ представляеть любезнѣйшую для васъ особу; это ваша мать — дражайшая ваша родительница, которой лишились вы еще въ младенчествѣ. Она была мнѣ вѣрнѣйшимъ другомъ. Юлія! благодарите Провидѣніе, что Оно среди нашихъ горестей, посылаетъ намъ столь сладостное утѣшеніе. Симъ портретомъ замѣняетъ оно то, чего вы лишились въ младенчествѣ.

Онѣ позвали Эмилию, чтобы она раздѣлила съ ними минуту радости и счастья. Потомъ обѣ сестры просили Гжу Менонъ рассказать имъ испорію ихъ

матери , которую , по словомъ ея , она такъ коротко знала. Сколь бы мы ни привыкли сносить горести ; но бывають пакія минушы , когда онѢ прогають насъ болѣе обыкновеннаго. Непредвидѣнные случаи дѣлають ихъ поразительными , жестокими. То же сдѣлалось и съ двумя сестрами , когда онѢ увидѣли сей портеръ. ОнѢ не опспуно просили Гжу. Менонъ , рассказать имъ о ихъ любезной родипельницѢ. Она пропивилась нѣсколь-ко времени ; но , не могши долѣе успоить прошивъ усиленныхъ прозьбъ — посадила ихъ подлѢ себя , и начала такимъ образомъ :

МнѢ кажется , я уже сказывала вамъ , любезныя дѣти , что мать ваша , Луиза Бернини , была единственна дочь Графа Бернини. Главнѣйшія и лучшія его помѣстья были при подошвѢ горы Эпны въ долинѢ *Демонской*. Долина сія названа такимъ образомъ по народному преданію , долго продолжавшемуся между жителями , — что гора Эпна была одна

изъ врагъ адскихъ; что изверженіе сего Вулкана происходило опъ пламени, свирѣлствующаго въ семь ужасномъ жилищѣ гореспи и вѣчной казни.

Около придцати лѣтъ тому, какъ Эпна на большое распояніе разлила огненную, все пожирающую лаву. Помѣспья Графа Бернини были погребены подъ громадами пепла. Села, деревни, лѣса, рѣки и самыя горы — все исчезло. Долины были завалены. Чрезвычайное множеспво народа погибло при семь ужасномъ изверженіи.

Графа Бернини не было погда въ своихъ помѣспьяхъ. Важныя дѣла удерживали его въ Неаполѣ; но супруга и сынъ, оставшіеся въ замкѣ, подобно другимъ, учинились плачевными жертвами ужасной и бѣдспвенной смерпи. Графъ Бернини въ одинъ день лишился супруги, сына и всѣхъ помѣспьевъ. Что оспалось у него изъ имения — того было для него слишкомъ мало. Одно утѣшеніе даровало ему Небо. Судьбѣ угодно было, что Луиза,

единственная дочь его, имѣвшая около девятнадцати лѣтъ отъ роду, не находилась въ замкѣ съ прочимъ его семействомъ. Она поѣхала погoda на нѣсколько недѣль къ одной родственницѣ.

Нешасный отецъ съ дочерью удалился въ маленькой сельской домъ близъ Капаны. Мои родители поселились также въ сихъ окрестностяхъ. Старинная дружба соединяло отца моего съ вашимъ дѣдушкою, а нѣжнѣйшее чувство соединило меня съ Луизою, вашею родителемъницей. Одинакой вкусъ, однѣ склонности и одинакой характеръ сдѣлали связь сію тѣснѣйшею. Самое несчастіе еще болѣе привязало насъ другъ къ другу. Подобно Луизѣ, я лишилась матери въ нѣжномъ возрастѣ. Изверженіе Эппы также поглотило все имущество моей фамиліи. Родитель мой погибъ — брагъ, молодой человекъ, и — я осталась одни во всей природѣ.

Графъ Бернини скрылъ насъ въ своемъ убѣжищѣ. Онъ общался любилъ насъ

какъ своихъ дѣшей , и старался объ насъ , какъ объ дѣтяхъ . Между тѣмъ брагъ мой доспигъ семнадцати лѣтъ . Вашему дѣдушкѣ угоднo было самому довершипъ его воспитаніе . Сей молодой человекъ получилъ отъ природы хорошія дарованія и благородную , добродѣтельную душу . Одно изъ лучшихъ и любезнѣйшихъ удовольствій Графа было то , чтобъ сдѣлать полезными сіи драгоценныя качества . Роландо , такъ назывался милой брагъ мой , тогда только болѣе всего пользовался наставленіями почтеннаго своего благодѣтеля , когда Луиза и я тупъ находились . Графъ , примѣняя , сколько наше присутствіе увеличивало прилѣжаніе и успѣхи его воспитанника , приказалъ намъ всегда бытъ при его урокахъ . Отъ сего произошло взаимное поревнованіе . Нечувствительнo воспользовались мы съ Луизою ученіемъ моего брата . Если я пріобрѣла какія слабыя познанія , если онѣ были полезны при вашемъ воспитаніи : то я одолжена имъ

такому препровожденію времени въ моей юности.

Чистое дружество , соединявшее насъ , усладило горесть нашей жизни , и распросперло тонкой покровъ забвенія на наши бѣдствія ; но сіи первыя утѣшительныя минуны очарованія скоро исчезли.

Роландо , братъ мой , былъ назначенъ въ военную службу. Графъ спарался исходатайствовать ему мѣсто въ Сицилійской арміи. Братъ мой скоро получилъ повелѣніе студа опправиться. Все было готово — оставалось только сказать : проси ! —

Мы не вѣчно разлучаемся , сказалъ Графъ. Первыя военныя достоинства , которыя онъ получилъ , пріобрѣщеніе почестей , которыя заслужилъ , возвращеніе его къ намъ. Благородная душа Роландова не заставитъ насъ ждать его долгое время .

Когда двое молодыхъ людей , привыкшихъ одинъ къ другому , видятъ горе-

спѣнное время долгой разлуки; тогда могутъ судить они о чувствахъ, которая ихъ соединяли. Тщепно Луиза хопѣла скрыть печаль свою. Чтобы развлечь себя, она взяла арфу и нѣсколько разъ начинала играть; но слезы, невольнымъ образомъ лившіяся изъ глазъ ея, показали мнѣ, сколько Роландо сдѣлался для нее любезень.

Спустя нѣсколько минутъ, братъ мой вошелъ въ комнату съ любимой своею собачкою. Примите, сударыня, въ свое покровительство сіе вѣрное и чувствительное животное; обѣщайтесь мнѣ объ ней спараться. Она умѣетъ любить руку, которая ее ласкаетъ. Моя собака очень добра. Смотрите на нее, вы будете помнить Роланда. Ахъ! еслибъ я зналъ, что вы меня не забудете — мой опѣздъ былъ бы не столько горестень. Что касается до меня, дражайшая Луиза, по вашъ образъ, сладостное объ васъ воспоминаніе, будутъ вездѣ слѣдовать за мною.

Они замѣняютъ мнѣ то , чего теперь я лишаюсь.

Луиза отвѣчала ему однимъ взглядомъ. Но эпошь взоръ изъяснялъ нѣжнѣйшую любовь. Должно было распаться — и Роландо опъ насъ удалился. Наше жилище сдѣлалось печально. Все въ немъ казалось намъ и скучно и горесипно. Красоты Природы — прелестныя мѣстоположенія , чудеса въ царствѣ раскѣпнй , копорымъ мы вмѣстѣ удивлялись , производили въ душахъ нашихъ слабое и хладное впечатлѣнне.

Луиза сдѣлалась очень задумчива. Она предпочипала уединенне удовольствіямъ общества. Часно забавлялась музыкою ; но полько для шого , чипобъ играпъ на своей арфѣ любимую Роландову арію , копорую передъ своимъ опъѣздомъ онъ часно просилъ Луизу повноряпъ.

Время опъ времени Графъ получаль опъ него извѣспія. Роландо опличился во многихъ сраженіяхъ ; чрезъ одинъ славный подвигъ получилъ онъ довольно знап-

ной чинь. Наступила осень. Армія расположилась въ зимнихъ квартирахъ. Роландо получилъ позволеніе съ нами видѣться.

Живая , пылкая юность его уступила мѣсто достоинству , которое прилично человѣку зрѣлыхъ лѣтъ. Графъ принялъ его съ горячностію родителя, а я съ нѣжною любовію сестры.

Когда онъ подошелъ къ Луизѣ, можно было ясно видѣть въ его взорахъ , что онъ возвратился съ пою же пламенною страстію. Безпорядокъ его привѣщанія, смятеніе, съ какимъ отвѣчала ему Луиза , увѣрили бы и зрителя , что сладостное чувство любви навсегда соединило моего брата съ моею пріятельницею.

Здѣсь должна я увѣдомить васъ о самомъ важномъ приключеніи въ моей жизни Роландо привезъ съ собою молодого Французскаго Офицера , и представилъ его намъ. Онъ былъ его поварихъ въ полку; спасъ моего брата онъ

чрезвычайной опасности и испоргнуть его изъ челюстей неизбежной смерти. Графъ не зналъ, чѣмъ ему за это возблагодарить. Онъ удержалъ его у себя, и никакъ не хотѣлъ, чтобы онъ жилъ въ другомъ домѣ.

Шевалье Менонъ — такъ назывался молодой Французъ, получилъ оптимное воспитаніе, и одаренъ былъ превосходными, любезными качествами. Привлекательной и благородной видъ его внушалъ любовь и почтеніе. Привыкнувъ видѣться съ нами, онъ, казалось, оплечалъ меня и болѣе мною занимался; да и я показывала, что была не нечувствительна къ его спараніямъ. Да и какъ пропившись прекрасному, любезному юношѣ, коимъ чрезу важную услугу, оказанную моему брату, получилъ свободной путь къ моему сердцу, произвелъ въ немъ непреодолимое чувствованіе — благодарности.

Это первое расположеніе мыслей скоро привязало насъ одного къ другому. Онъ

открылъ мнѣ любовь свою. Я сооп-
вѣдспивовала ему нѣжною признапель-
носпію. Наша связь не могла бытъ шай-
ною ни для брата моего , ни для Гра-
фа. Предложили ему соединить насъ.
Графъ описалъ во Францію, чшобы по-
лучить достовѣрныя извѣспія о фамиліи
Шевалье Менонъ. Сіи извѣспія всѣхъ
насъ удосповѣрили. Мой любовникъ былъ
второй сынъ Французскаго Дворянина,
богатаго помѣщика , умершаго уже нѣ-
сколько лѣтъ. Старшій братъ получилъ
лучшія помѣспья; но и другимъ сыновьямъ
доспалось спакже значное имѣніе.
Нашъ бракъ совершенъ былъ въ домово-
й церкви, въ присущспвіи Графа , моего
брата и Луизы.

Нѣсколько дней спустя послѣ нашего
брака, мы принуждены были разлучить-
ся. Супругъ мой и братъ должны были
возвратиться въ свой полкъ.

Надобно вамъ сказать , что Роландо
хотя и надѣялся, что Луиза его любитъ;
но пиная въ себѣ другое благороднѣйшее

чувство, онъ не хотѣлъ ей открыться. Ничего не имѣя — онъ всѣмъ обязанъ былъ Графу. Ему казалось, что онъ сдѣлается неблагодарнымъ въ разсужденіи великодушнаго своего благодѣтеля, если будешь спарашься воспламенить сердце молодой особы копорю обладать запрещала ему бѣдность. Я была свидѣтельницею и повѣренною пайныхъ мученій своего брата, отъ чего и сама спрадала не менѣе. Такъ какъ и онъ, я хранила молчаніе до удобнѣйшаго времени, и ничего не упоминала Луизѣ о пайной спраспи, копорю она сама сгорала.

Графъ и его дочь усиленно просили меня оспаться у нихъ до возвращенія моего мужа. Я согласилась на ихъ просьбы. Проспилась съ мужемъ — и горестной эпохой минутой никогда безъ слезъ не могу вспомнить; съ сего времени я болѣе съ нимъ не видалась. —

Тутъ позвонили къ обѣду, чѣмъ и прервано было повѣспованіе Гжи. Ме-

нонъ. Обѣ сестры, распроганныя повѣствованіемъ, пошли въ споловую съ Гжею. Менонъ, которая старалась принявъ на себя веселый видъ. Оспашокъ дня провели онѣ, исполняя обязанности большаго свѣпа, и уже очень поздно Юлія съ своею сестрою могла возвращишься въ свои покои. Тогда она просила почтенную свою пріятельницу продолжайте начатую испорію, и Гжа. Менонъ начала рассказывать слѣдующимъ образомъ:

Братъ мой, удалившись отъ насъ, кипалъ въ груди своей нѣжное чувство, привязывавшее его къ Луизѣ. Онъ не смѣлъ ей сказать о томъ, и грозилъ лишить меня всей своей довѣренности, если я стану говорить о его спрасни молодой своей пріятельницѣ. Онъ думалъ, что права чесни осуждаютъ его къ сему глубокому и опчаянному молчанію. Луиза, убѣгая меня, искала уединенія. Какъ мучительно для меня было видѣшь двухъ человекъ (которыхъ, по моемъ мужѣ, болѣе всего на свѣпѣ я

любила), снѣдаемыхъ горестію, въ по-
 время, когда бы они, предавшись взаим-
 ной склонности, могли учинить жизнь
 свою щасливую! Сіе упорное съ обѣихъ
 сторонъ молчаніе пѣмъ менѣе казалось
 мнѣ основательнымъ, чпо, по всѣмъ об-
 стоятельствамъ, можно было заключаъ,
 чпо родителю Луизы не непріятно было
 ихъ соединеніе. Онъ уважалъ моего бра-
 та и говорилъ всегда съ жаромъ о его
 храбрости и честныхъ поступкахъ; хва-
 лилъ съ опеческою нѣжностію и вмѣстѣ
 съ энтузіазмомъ искренняго друга. Вся-
 кой разъ, когда только заходила рѣчь
 объ немъ, Графъ, казалось, говорилъ;
 чпо ему бы хотѣлось опдать дочь свою
 за какого нибудь молодого война, споль
 же храбраго и любезнаго, какъ и братъ
 мой.

(сколько было можно, старалась я удер-
 живаъ Графа въ сихъ благопріятныхъ
 расположеніяхъ, какъ мы получили изъ
 арміи самое плачевное извѣстіе. Братъ
 мой въ игрѣ поссорился съ Шевалье Ме-

нономъ; вышли на поединокъ , и жребій оружія , не благопріятспвовавшій моему брату, повергъ его мерпвымъ къ ногамъ моего мужа.

Горестна была для всѣхъ насъ вѣспъ сія, но Луизу привела въ опчаяніе. Сіе ужасное приключеніе разрушило всѣ ея надежды и нанесло ей смерпельный ударъ горести. Свѣпъ уже не имѣлъ болѣе для нее прелестей. Тщепно нѣжная моя къ ней привязанность спаралась утѣшати ее. Луиза не внимала. Душа ея опвергала даже утѣшеніе дружества.

Маркизь Мадзини, человекъ знапной и богатпый, имѣлъ случай увидѣпъ Луизу. Онъ былъ въ пакихъ лѣпахъ, когда начинающъ думати о своемъ соспояніи и вступающъ въ свѣпъ. На Луизу успремилась его взоры — и онъ сначала Графу, а послѣ и ей самой сдѣлалъ лестпныя предложенія о бракѣ.

Но въ это время братъ мой былъ еще живъ. Мысль , что она будетъ не его супругою , раздирала сердце моей прі-

япельницы. Когда увѣдомилъ её Графъ о намѣреніяхъ Маркиза Мадзини, Луиза сильнымъ отвращеніемъ своимъ опъ сего брака показала опцу своему, что безчеловѣчно было бы наспоанъ въ помъ болѣе Съ шѣхъ поръ онъ не говорилъ ей о семъ ни слова, а Маркизь Мадзини переспаль къ нимъ ѣздишь, и прекратилъ свои прозьбы.

Луиза въ то время была въ вашихъ лѣшахъ; имѣла споль же нѣжное и чувствительное сердце. И пакъ представьте себя на ея мѣстѣ и подумайте, легко ли бы вамъ было согласишься на соединеніе бракомъ съ такимъ человекомъ, къ которому имѣете отвращеніе, или по крайней мѣрѣ неприспрасны, въ то время, когда сердце ваше принадлежало бы уже такому предмету, для счастья котораго не усомнились бы вы пожертвоватъ своею жизнію?

Но получивъ извѣстіе о смерти моего брата, Луиза не могла болѣе проливисься волѣ родителя. Она не думала

в будущемъ , лишившись такого предмета , который одинъ могъ жизнь ея сдѣлать щастливою , и скоро согласилась на убѣдительныя прозъбы Графа и Маркиза. Она видѣла, что такое соединеніе было пріятно ей оццу, и уступила желаніямъ любезнаго родителя. Тщенно ласкалась надеждою, что ея супругъ сдѣлаетъ жизнь для нее сносною. Несчастная! налагая на себя такія цѣпи, она вступила на путь горести и раскаянія.

Вы знаете, мои милыя, характеръ вашего башюшки. Я никакъ не желаю уменьшить въ сердцахъ вашихъ нѣжности и почтенія, коими вы ему обязаны; но нельзя скрыть отъ васъ надменнаго и запальчиваго его характера.

Какое различіе между имъ и любезнымъ Роландо! Полюбивъ его спрасино и надѣясь провести съ нимъ щастливые и прелесные дни , Луиза нѣмъ живѣ чувствовала всю тяжесть своего состоянія. Всякую минуту она была жертвою чрезмѣрной гордости и пиранства. Вся-

кую минушу встрѣчала доказательствъ , что не любовь заставляла Маркиза искать руки ея: одни честолюбивые виды къ тому его побуждали. Можете судить, какимъ горестямъ бывающіе подвержены тѣ , кои такимъ образомъ налагающіе на себя супружескія узы, которыя должны они носить во всю жизнь свою.

Графъ, будучи свидѣтелемъ тайныхъ мученій своей дочери, легко узналъ, что богатство и почести сами по себѣ не составляютъ супружескаго счастья. Онъ видѣлъ несчастную Луизу, влекущую дни въ горести, и ни мало не могъ ласкаться надеждою видѣть ее когда нибудь въ лучшемъ состояніи. Онъ обвинялъ себя въ томъ, что самъ былъ причиною несчастія своей дочери. Эта мысль нигдѣ его не оставляла и сколько терзала его душу, что онъ занемогъ опасно — и умеръ въ объятіяхъ своей дочери.

Какъ скоро Маркизь Мадзини сдѣлался полнымъ господиномъ въ замкѣ , то

всѣ его пріятности исчезли. Я жила тамъ для того только, чтобы имѣть удовольствіе жить съ вашею мапушкою и утѣшая ее, сколько можно. Но вскорѣ потомъ я получила письмо отъ своего мужа, который просилъ меня, какъ можно скорѣе прѣхать къ нему въ Испанію. Я просилась съ Луизою; оставила Сицилію, и черезъ нѣсколько дней увидѣла своего супруга.

Сіе свиданіе принесло бы намъ много удовольствій, если бы несчастное приключеніе съ моимъ брапомъ не оправляло ихъ ядомъ горести. Оно расворило раны его сердца. — Онъ принесъ въ жертву яростному испуленію искренняго своего друга — брата жены, собственнаго своего брата. Драгоценная, пролившая имъ кровь не давала ему покою. Съ нѣжною любовію взиравъ онъ на меня — и горькія слезы капились изъ очей его. Онъ поспѣшно оставлялъ меня, и очень долго не показывался.

Война спановилась опчасу жестпочае. Супругъ мой вдавался въ чрезвычайныя опасности, искалъ смерти и по чпши вездѣ находилъ славу. Наконецъ, подвергаясь ударамъ непріятельскимъ , онъ достигъ желаемого. Въ одномъ кровопролитномъ сраженіи палъ на полѣ брани.

Не буду вамъ описывать моей горести и опчаянія. Такія карпины упомянуъ вашу чувствительность. Опдавъ послѣдній долгъ своему супругу, послѣшно удалась я опъ іеашра войны и поѣхала къ родственникамъ своего мужа. Къ несчастію, я не имѣла никакого письма, которое могло бы доказатьъ, что я была за Менономъ. Тщепно увѣряла я братьевъ Шевалье Менона, что я вдова, оставшаяся послѣ умершаго ихъ брата ; они требовали доказательствъ. Свѣсть мнѣ мало былъ извѣстенъ, и я не могла подумать, чтобы можно было сомѣваться въ показаніи женщины , которой со стороны позеденія упрекать ничѣмъ было не можно. Но гордость и корысполюбіе сдѣ-

лали людей жестокими другъ ко другу. Ни одинъ изъ деверей не хотѣлъ меня слушать. Я думала, что мнѣ надобно возвратиться въ Сицилію. Какъ я была вѣнчана въ домѣ вашего дѣдушки, въ присутствіи Луизы, однимъ священникомъ, котораго я коротко знала: но и надѣялась воспользоваться ихъ свидѣтельствомъ и получишь законныя права на свое имѣніе, Тщенивая надежда!

Пріѣхавъ въ Сицилію, узнала я, что ваша мапущка не перенесла своей горести и умерла уже нѣсколько тому мѣсяцовъ; попомъ навѣдалась о священникѣ, который вѣнчалъ меня: — онъ скрылся, чтобы избѣгнуть наказанія, къ которому былъ осужденъ, по ложному доносу своихъ непріятелей. — Я осталась одна въ свѣтѣ; много писала писемъ къ братьямъ своего мужа, въ которыхъ увѣдомляла ихъ о несчастныхъ приключеніяхъ, лишившихъ меня всѣхъ средствъ доказанія законныя права на ихъ родство. Лаконическимъ оповѣщеніемъ они дали мнѣ знать,

что не намѣрены вѣришь никакимъ съ моей спороны доказапельспвамъ.

Для содержанія своего получала я только самой посредственной ежегодной доходъ, опредѣленный мнѣ вашимъ дѣдушкою, Графомъ Бернини; почему и рѣшилась оспашься въ Сициліи.

Почти въ то же время родитель вашъ вступилъ въ супружество съ Марією Веллорно. Слѣдствиемъ сего брака было то, что онъ, оставивъ замокъ Мадзини, переселился въ Неаполь, куда взялъ съ собою своего сына, чтобы тамъ кончить его воспитаніе; васъ же вознамѣрился оставить въ замкѣ подъ смотрѣніемъ надзирапельницы. Онъ уже приказалъ искать такой женщины, которой бы могъ препоручить сію должность, какъ мы съ нимъ встрѣпились. Вспомнивъ, что нѣжная дружба соединяла насъ съ вашею родительницею, и полагая (въ чемъ онъ и не ошибся), что я и въ же самая чувствования буду питать и къ любезнымъ дочерямъ ея, онъ пред-

ложиль мнѣ жить въ замкѣ и смотрѣть за вашимъ воспитаніемъ.

Съ радостію согласилась я на такое предложеніе, и съ шѣхъ поръ, любезныя мои дѣти, почти безпрестанно съ удовольствіемъ вижу, что вы соотвѣтствуете моимъ пожеланіямъ; ваша дружба награждаетъ меня нѣкспорымъ образомъ за шѣ несчастія, на кошорыя рокъ осудилъ меня. —

Здѣсь Гжа. Менонъ переспала разсказывать. Эмилиа и ея сесипра, распроганныя повѣствованіемъ, оказывали почтенной своей пріимельницѣ нѣжнѣйшія ласки. Онѣ обѣщались своими пошунками и послушаніемъ усладить горестныя дни ея. Связи, соединявшія ихъ между собою, сдѣлались еще шѣнѣе и драгоцѣннѣе. Обѣ сесипры наперерывъ старались угождать Гжѣ. Менонъ. Онѣ всячески удалялись отъ Маркизы Мадзини, и говорили съ нею только за обѣдомъ или въ другое время, когда необходимо того преобладали правила учивоспи. Какъ

только находили онъ случай избавишься отъ поль спягосипныхъ обязанностей, по уходили въ свою комнату и предавались невиннымъ упражненіямъ и ушѣшеніямъ дружбы и взаимной довѣренности.

Эмилиа и Юліа болѣе всего любили говорить объ участи своей матери. Преждевременная смерть, прекратившая горестные дни ея, была для нихъ неизчерпаемымъ источникомъ разсужденій и догадокъ. Но такія ихъ размышленія были прерваны въ одинъ вечеръ чрезвычайнымъ происшествіемъ.

Обѣ сестры принуждены были очень долго пробыть у Маркизы, и уже почти въ полночь вошли съ Гжею. Менонъ въ свои покои. Прежде нежели разошлись, онѣ завели разговоръ; меланхолической предметъ онаго имѣлъ для нихъ очень много грелеспей, какъ вдругъ повѣснгованіе Гжи. Менонъ было прервано глухимъ шумомъ, происходившимъ подъ пою комнатою, въ которой онѣ

находились ; имъ послышалось , будто кто-то отворяетъ дверь.

Предспавъте себѣ ихъ ужась. Прижавшись другъ къ другу, съ трепешомъ смопрѣли онѣ во всѣ спороны , какъ услышали попъ же спукъ, показывавшій имъ, что дверь ояпъ зашворилась:

Въ сей часпн замка онѣ находились онѣ; какое же невидимое существо могло произвестъ этотъ спукъ въ нуспомъ и оспавленномъ всѣми подземельѣ ? Онѣ не могли поняпъ причины пакого безпокойства въ то время , когда всѣ погружены были въ глубокомъ снѣ.

Нѣсколько минупъ отъ спраха онѣ пребыли неподвижны и едва осмѣливались глядѣпъ. По какому-то побужденію онѣ вышли изъ этой комнапы и вошли въ комнапу Эмилии. Едва пуда вспупили , какъ услышали попъ же шумъ. Чрезвычайный ужась снова овладѣлъ ими. Онѣ бросились въ комнапу Гжи. Мелонъ, и Эмилиа упала безъ чувспвъ подлѣ

кровати. Юлія и Гжа. Менонъ спарались поданъ ей помощь ; наконецъ она пришла въ себя. Спрахъ по немногу исчезаль. Гжа. Менонъ, желая ихъ успокоить, употребила всю силу своего разсудка , дабы успокоить возмущенное и испрашенное ихъ воображеніе. Она совѣтовала имъ никому въ замкѣ не разглашать о своихъ безпокойствахъ , и особливо ничего не говорить своимъ людямъ , коихъ глупыя догадки могли бы увеличить зло, которое напротивъ того надлежало испребишь въ самомъ началѣ.

Ей удалось возвращить спокойствіе духа двумъ своимъ воспитанницамъ ; но сама она весьма была опъ того удалена. Проходя въ умѣ своемъ всѣ спранныя приключенія, и сравнивая ихъ съ поведеніемъ Маркиза, она не могла не увѣришься , чшобы сіе не происходило опъ него же самага. Замокъ непременно заключаль въ себѣ что нибудь таинственное , а особливо въ полуденной , необитаемой его части. Но что это была за

шайна , и какимъ образомъ ее проникнуть ! Всѣ ихъ догадки и заключенія опносились къ двумъ предметамъ . Гжа . Менонъ гнѣмъ болѣе старалась приниматьъ спокойной видѣ .

Объ этомъ не должно говорить , мои любезныя . Вашему батюшкѣ покажется , можетъ быть , непріятно , если мы спанемъ разсѣваятъ такіе слухи . Подождемъ , пока наши открытія будутъ нѣсколько основательнѣе , и не спанемъ никому говорить объ этихъ безпокойствахъ , пока не будемъ въ состояніи неоспоримо доказать ихъ вѣроятность ; а иначе мы должны опасаться , чтобы не почли насъ малодушными и не спали смѣяться надъ нашимъ страхомъ .

Объ сестры , сколь ни охотно слѣдовали совѣтамъ своей пріятельницы , но никакъ не могли рѣшиться проводить еще хотя одну ночь въ томъ же покоѣ безъ такого человека , которой бы въ случаѣ нужды могъ имъ подать помощь ; почему и насполяли , чтобы открытъ по одному

ихъ брату, и пригласить его ночевать въ одной съ ними комнаѣ, дабы обезопасить себя отъ всякихъ непріятныхъ приключеній.

Еще оставалось нѣсколько часовъ ночи. Онѣ сполько были успрашены, что никакъ не хотѣли возвратиться въ свои комнаты, и согласились спать вмѣстѣ до утра и заняться разговорами. Онѣ не могли говорить о поссороннихъ предметахъ, и сполько были заняты недавно случившимся произшествіемъ, что непримѣпнымъ образомъ заводили разговоръ объ ономъ. Юлія и сеспра ея предлагали своей пріятельницѣ различные вопросы о мерпвецахъ, разлученіи души съ тѣломъ, и спрашивали, справедливо ли то, что имъ нѣкогда рассказывали о ночныхъ привидѣнїяхъ?

Дѣти мои, отвѣчала Гжа. Менонъ, на такіе вопросы я не могу отвѣчать вамъ рѣшиптельнымъ образомъ. Разказы о пакихъ приключенїяхъ всегда почти сомнительны и по большой часпи увеличены.

Опъ страха и легковѣрности родились сіи фаншомы. Какъ мы любимъ чудесное, по и легко пому вѣримъ. Предубѣжденіе и неразборчивоспъ умовъ, копорые ни на что не могушъ смонрѣпъ прямыми глазами, часно проспымъ и науральнымъ явленіямъ даешъ видъ чудесный и совѣмъ несходный съ законами Природы.

Однакожъ я не мо у опвергать свидѣпельсва досповѣрныхъ особъ, копорыя увѣряли меня, что имъ предспавлялся какой нибудъ необыкновенный предметъ. Не можемъ ли мы заключать изъ нѣкопорыхъ дѣиспвій Природы, что она не знаешъ предѣловъ, или лучше сказать, большая часть ея свойствъ еще не извѣсна людямъ? Не упоминая о паинспвахъ въ царствѣ растѣній, копорыхъ ни одинъ смерпный еще не успигнулъ, привлеченіе въ металлахъ, направленіе магнитной стрѣлки къ Сѣверному полюсу, Электрической огонь и его быспрое распросраненіе : всѣ сіи

дѣйствія Природы для насъ ничто иное , какъ чудеса, которыя мы познаемъ только по ихъ слраннымъ дѣйствіямъ , не понимая причины.

Впрочемъ , любезныя мои дѣти , для Бога нѣтъ ничего невозможнаго. Неужда и вольнодумецъ только полагающъ предѣлы Его могуществу. Еслили Ему угодно посылаетъ иногда на землю духовъ , опредѣляетъ ихъ опять мѣла , заславивъ явиться нашимъ чувствамъ , открывъ намъ будущее , возродитъ въ насъ предчувствіе угрожающихъ опасностей : по какой смертной будетъ столь дерзокъ , чтобы отважился пропивиться Божественной Его волѣ? Впрочемъ мы должны быть увѣрены , что Богъ , еслили и успрашаетъ иногда преслупника , по никогда не возмущаетъ спокойствія праведнаго. Спанемъ прославлять Его нашими добродѣтельными поступками , и , вѣрше мнѣ , Онъ никогда не уопребитъ Своего всемогущества на по , чтобы поселилъ страхъ въ сердцахъ нашихъ.

Сіи размышленія и ночь, кончившаяся безъ всякихъ приключеній, успокоили возмущенныя чувства двухъ сестеръ. Онѣ заснули уже передъ разсвѣтомъ и встали очень поздно.

Когда увидѣли онѣ Фердинанда, то рассказали ему обо всемъ, что слышали въ прошедшую ночь, описали ужасъ, въ какомъ находились, и страхъ, которымъ приготавливали для нихъ слѣдующія ночи. По мѣрѣ, какъ сей молодой человекъ слушалъ сіи подробности о чудесахъ полуденной части замка, воображеніе его воспламенялось. Желаніе узнать неизвѣстную причину сихъ приключеній, увеличивалось въ душѣ его. Онъ предложилъ имъ провести ночь въ одной съ ними комнатѣ, и онѣ съ необычайною радостію приняли его предложеніе. Но какъ покои, которые занималъ онъ, были очень далеко отъ комнатъ сестеръ его: то онѣ и согласились (дабы никто не могъ подозрѣвать ихъ), числы Фердинандъ въ то время, когда господа и

служители разойдутся по своимъ покоямъ , пришель къ нимъ , осерегаясь , какъ можно , чпобъ не быль къмь-либо примѣченнымъ .

Условясь такимъ образомъ , Эмилиа и сеспра ея съ неперпѣливоспю ожидали наснупленія ночи .

Колоколь въ замкѣ удариль часъ , и всякой возвратился въ свою комнату . — Одни плачевные крики ночныхъ пищъ и опдаленный лай собакъ , принадлежавшихъ поселянамъ вокругъ замка , раздавались въ тишинѣ ночи . Тогда Юліа , которой душа была расположена ко впечатлѣніямъ спраха , начинала уже чувствоватъ нѣкоторое безпокойство , какъ вдругъ слышишь спукъ у двери въ передней комнатѣ .

Эпо былъ знакъ , о которомъ условились съ Фердинандомъ . Юліа не могла рѣшильсь опворить двери ; но Гжа . Мелонъ укоряла ее въ этой слабости , и возвратила ей прежнюю бодрость . Она

немедленно подходить къ двери , опворяеть — и Фердинандъ входить.

Всѣ четверо, расположившись въ одной комнатѣ хотѣли начать разговоръ ; но опасались прослушать и малѣйшій шумъ. Почти каждую минуту слишкомъ внимательныя сестры перерывали разговоръ. Имъ казалось , что онѣ слышатъ шумъ , — но его не было. Невольный страхъ оспанавливалъ печеніе ихъ мыслей, и онѣ не могли ни о чемъ разсуждать. Гжа. Менонъ, сохраняя болѣе присутствие духа , старалась какъ можно ихъ успокоить ; но ихъ предубѣжденіе было гораздо сильнѣе всѣхъ ея возраженій. Фердинандъ, горя желаніемъ узнать, что значило ночное явленіе , обнажалъ шпагу при малѣйшемъ шумѣ. Онъ былъ увѣренъ , что въ прошедшую ночь случилось что нибудь необыкновенное, когда его увѣряла въ шомъ Гжа. Менонъ. Тѣмъ болѣе воспламенено было его любопытство. Но въ эту ночь совсѣмъ не слышали никакого шума, и все было спокойно.

Фердинандъ приходилъ къ нимъ каждую ночь; но онѣ прошли почто также, какъ и первая. Въспомогая того, чтобы ославить такое предпріятіе, въ коемъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго успѣха; любопытство его возраспало опчасу болѣе. Увѣренъ будучи совершенно, что подробности, описанныя ему его сестрами и Гжею. Менонъ, были справедливы; онъ положился проникнуть въ полуденную часть замка, и тщательнo осмотрѣть ее. Тщешно нѣсколько лѣтъ спарались скрыть ее опъ взоровъ любопытства; Фердинандъ поклялся, что какимъ бы опасностямъ чрезъ то онъ ни подвергнулся, осмотритъ всѣ углы въ подземельѣ.

Но какимъ образомъ приступитъ къ исполненію такого плана? Ключи были у самаго Маркиза, и все заславляло думать, что онъ не повѣритъ ихъ никому. Инымъ говорилъ онъ, что они заперяны; нѣмъ, кои просили его, что-

бы позволилъ осмотрѣть необитаемую часть замка, опказывалъ съ гнѣвомъ.

И такъ должно было прибѣгнуть къ чему нибудь другому, и искать средствъ, помощію коихъ можно бы было обойтись безъ ключей, коихъ просить было бы бесполезно.

По мѣрѣ, какъ Фердинандъ разсуждалъ о положеніи Юліиной комнаты, ончасу болѣе увѣрялся, что она, находясь въ полуденной части замка, должна имѣть сообщеніе съ подземельемъ. Главная трудность состояла въ томъ, чтобы найти мѣсто сообщенія.

Сія комната по видимому имѣла только одну дверь; но, по древнему обыкновенію въ строеніи замковъ, все увѣряло Фердинанда, что должна находиться другая. Теперь дѣло состояло въ томъ, чтобы ее отыскать. Онъ ославилъ это до слѣдующей ночи.

Г Л А В А III.

Всѣ жипели замка покоились крѣпкимъ сномъ, какъ Фердинандъ пришелъ въ покой сесперъ своихъ. Всѣ вмѣстѣ собрались они въ Юліину комнату, копорую и начали осмапривать. Дорогія обои въ древнемъ вкусѣ покрывали спѣны. Фердинандъ началъ спучать по всѣмъ мѣстамъ и особливо къ полуденной споронѣ; онъ нашель шакую поверхность, копорая издавала совсѣмъ опмѣнный звукъ опъ прочихъ частей спѣнъ; почему и заключиль, что его догадки не безъ основанія.

Вырвавъ нѣсколько гвоздей, копорыми въ этомъ мѣстѣ прикрѣплены были обои, онъ поднялъ ихъ вверхъ, и, къ величайшей радости, увидѣлъ маленькую дверь. Поспѣшно выдергиваетъ двѣ задвижки; но еще оставался крѣпкой замкомъ, копорого онъ съ начала не примѣ-

нилъ. Онъ перебралъ всѣ ключи, какіе только были у сестеръ его и у Гжи. Менонъ; но ни однимъ изъ нихъ не лзя было отпереть таинственной двери; — хотѣлъ ее выломить; но крѣпкая дубовая дверь пропивилась щепнымъ усилямъ молодаго человѣка и его сестеръ.

Это прѣпятствіе, которое принимало у Фердинанда всю надежду къ открытію подземельной пайны, чрезмѣрно его печалило. Никто не говорилъ ни слова, — какъ вдругъ молчаніе ихъ прервано было подземнымъ шумомъ; копорой, казалось, производилъ отъ двери, находившейся напротивъ той, у копорой они всѣ четверо теперь стояли. Устрашенные Эмилія и ея сестра ухватились за брава. Не произнося ни слова и даже удерживая дыханіе, онѣ слышали новой спукъ, умножившей ихъ ужась.

Вскорѣ потомъ казалось имъ, будто онѣ ясно слышали, что кто-то медленно идетъ къ ихъ двери. — Но шумъ скоро утихъ.

Фердинандъ, опчасу болѣе увѣряясь въ существенности пайны, снова подходилъ къ маленькой двери, усугубляеиъ усилія, чпобы отвориць ее; но она остаеиъся въ прежнемъ положеніи.

Юлія и сестра ея за нѣсколько ми- нуть желали, чпобы удалось ихъ брату сбиць замокъ; но новый спрахъ заспа- виль ихъ радоваиъся пому, чпо дверь пропивиъся его усиліямъ.

И такъ должно было оставиць даль- нѣйшіе поиски до другаго времени. Подъ утро Фердинандъ возвраиился въ свою комнату.

Какъ медленно шекло для него время до шѣхъ поръ, пока онъ пришелъ къ се- страмъ своимъ для окончанія начапаго предпріяіія! Никогда день не казался ему такъ долгимъ. Между шѣмъ онъ спарал- ся доспаиць такіе инспруменпы, чпобы сбиць замокъ.

Наконецъ они опипъ всѣ чепверо со- брались въ Юліину комнату. Обои оп-

дернупы — замокъ сбить , желѣзные золоры вынупы — и дверь отворена.

Огромная галлерей представляется ихъ взорамъ. Фердинандъ, съ свѣчею въ рукѣ, первый въ нее входить. Его сестры и Гжа. Менонъ слѣдуютъ за нимъ въ молчаніи.

Время произвело спрашныя опустошенія въ сей галлерей. Стѣны совсѣмъ почти развалились; пополокъ обламывался поспепенно, и части его разбросаны были по полу. Все заставляло ожидать, что очень скоро сіе зданіе превратится въ развалины.

Онъ шель медленными и не смѣлыми шагами; едва сестры его и Гжа. Менонъ опъ спраху допрогивались до земли. Унылое эхо повтораля шумъ опъ ихъ походки; отраженіе голоса было споль скоро и споль явственнно, что Эмилиа и ея сестра часпо оглядывались назадъ, думая, что кто нибудь кричалъ имъ въ слѣдъ. Таковое безпрестанное безпокойство наполняло души ихъ ужасомъ,

которому сильно пропивилась надежда на мужество Фердинандово.

Вдоль по сей галлерей на лѣвой рукѣ замѣтили они множество дверей, которыя, казалось, должны вести къ опдѣльнымъ покоямъ. Имъ не вздумалось попробовать взойти въ сии комнаты и начать здѣсь свои поиски.

Наконецъ не безъ труда достигли они конца галлерей, гдѣ увидѣли спарую большую лѣспницу, по которой должно было сходить въ огромной периспиль. По сей лѣспницѣ можно было восходить къ самымъ возвышеннымъ часнямъ зданія.

Между тѣмъ, какъ Фердинандъ и его сесипры весьма тихимъ голосомъ совѣщались, ишли ли имъ въ периспиль, или нѣтъ, увидѣли вверху на сей же самой лѣспницѣ слабый и колеблющійся свѣтъ, который въ шужь минупу исчезъ; потомъ услышали спукъ ошъ походи одного человекъ, который, казалось, съ поспѣшностію удалялся.

Фердинандъ , со шпагою въ рукѣ , идетъ къ тому мѣсту , откуда показался свѣтъ. Три женщины не могли болѣе пропивишься спраху. Онѣ побѣжали , сколько было у нихъ силъ , черезъ галерею въ комнату Юліину, и попомъ къ Гжѣ. Менонь.

Нашъ молодой герой шѣмъ не менѣе продолжаетъ свои поиски. Онъ сходитъ по большой лѣстницѣ въ периспиль , проходитъ ее, и приближается къ одной, нѣсколько опворенной двери. Сквозь сіе опверспіе проникалъ лучъ свѣта. Фердинандъ опворяетъ дверь и идетъ въ попаенной , узкой и изгибистой выходъ. Слабый свѣтъ—по которому онъ направлялъ шаги свои , мало по малу совсѣмъ исчезъ. Выходъ становился ошчасу уже. Фердинандъ поминупно долженъ былъ сполыкаться на камни , опвалившіеся опъ сіѣтъ ; но онъ преодѣлаетъ всѣ сіи преляпствія, и наконецъ приближается къ одной опворенной двери такой же фигуры , какъ и ша , чрезъ которую не

давно прошелъ. Онъ входилъ въ четырехъ-угольную комнату на противоположной сторонѣ, и видилъ лѣстницу, ведущую къ полуденной башнѣ замка.

Фердинандъ на нѣсколько времени оспанавливался, прислушивается; но нѣтъ никакого шума. Повсюду царствуетъ глубокое молчаніе. По правую руку видилъ дверь; хочеть отворить ее; но она заперта. Онъ думаетъ, что духъ, коего преслѣдуетъ, непременно долженъ идти по той лѣстницѣ, копорая ведетъ къ башнѣ. Будучи увѣренъ въ справедливости своего мнѣнія, поспѣшаетъ туда.

Но это предиріятіе было не такъ легко, какъ онъ думалъ. Лѣстница такъ была ветха, что соспояла по большей части изъ разломанныхъ ступеней и развалившихся камней. Самая стѣна, у копорой приспавлена была лѣстница, во многихъ мѣстахъ уже проломилась. Все заставляло опасаться, что самая легкая тяжесть, или малѣйшее помясеніе испровергнетъ лѣстницу вмѣстѣ

со стѣною. И такъ безразсудно было бы опваживаѣть жизнь свою среди ужасныхъ развалинъ.

Но желаніе достигнуть предположенной цѣли и узнать что нибудь рѣшипельное , не допустило Фердинанда разсмотрѣть насюющимъ образомъ , сколь велика опасность , коей онъ подвергается. Онъ спановиися на первую ступеньку лѣспницы , и , переспуная съ камня на камень , достигаешъ до шеспнадапой ступени.

Онъ хочешъ ийти далѣе ; но нечаянно произведши довольно сильное потрясеніе на полуразвалившейся лѣспницѣ , сдѣлалъ то , что нижняя часть оной совсѣмъ обрушилась , и онъ оспался на одномъ камнѣ , распюніемъ онъ земли на десяти или на двѣнадапш футовъ. Надъ нимъ была громада камней , копорые не премѣнно бы обрушились , еспли бы онъ не удержался на шомъ кирпичѣ , на копоромъ какъ бы висѣлъ въ воздухѣ. Еспли же ийти далѣе по лѣспницѣ , то это

бы значило усиливать ударъ должен-
ствовавшей послѣдовать отъ паденія.
Оспаваясь на помъ мѣстѣ , гдѣ онъ
оспановился , не лзя было по пому , что
камень не имѣя опоры , скоро упадепъ
вмѣстѣ съ нимъ .

Представимъ себѣ молодаго человѣка ,
одного , со шпагою въ правой рукѣ , въ
другой съ фонаремъ , дающимъ весьма
малой свѣтъ , среди глубокой ночи , въ
запуспѣлыхъ развалинахъ , споящаго на
одномъ кирпичѣ , на нѣсколькo сажений
отъ земли , и не могущаго ожидать ни-
какой помощи ; а особливо вообразимъ ,
какой производипъ спрахъ мысль о ноч-
ныхъ явленіяхъ духовъ ; представимъ по ,
когда намъ кажется , что мы во шмѣ
слышимъ шорохъ , повноряемый эхомъ
въ сводахъ сего ветхаго зданія ; а особли-
во , еспли припомнимъ , что дѣло не
терпипъ времени ; что Фердинанду скоро
надобно на что нибудь рѣшипся , еспли
не хочепъ быпъ погребеннымъ въ разва-
линахъ оспальной часни лѣспницы , а

можешь бытъ и самыхъ спѣвнѣ; еспѣли все сіе предспавимь , по будемь имѣтъ нѣкопоруоу идею о семь ужасномь положеніи!

Фердинандь въ такой опасноспи хва-
тается за одинь сполбѣ , находившійся
подлѣ лѣспницы; онь надѣется, что мо-
жешь за него удержатъ я и спуститься
внизь; но въ шу самую минушу, какь онь
пропягиваетъ шуда руку, фонарь выры-
вается изъ руки его. и — загасаетъ.

Фердинандь во мракѣ ночи , споя на
одномь камнѣ и беспреспанно ожидая
своего паденія, не могь не почувспвовапъ
въ себѣ спраха. Что начашь? Какой ожи-
дапъ помощи? — Онь препоручилъ себя
Провидѣнію , и ожидаль , пока солнце
покажешь на горизонтѣ. Тогда, безъ сом-
нѣнія, какой нибудь лучь сеѣпа проник-
нешь до него, и онь, можешь бытъ най-
депъ средспво избавипъся отъ сихъ она-
носпей и шоль ужаснаго положенія.

Цѣлой чась уже прошель, какь у него
вырвался изъ рукъ. фонарь — и онь

вдругъ услышалъ позади себя голосъ. Сей голосъ, казалось, выходилъ изъ того узкаго и изгибистаго прохода, чрезъ которой онъ самъ проходилъ; онъ поспешенно приближался. Чей бы это былъ голосъ? Бояться ли ему должно, или надѣяться? Въ такомъ положеніи, имѣя при себѣ только одну шпагу, кою не могъ употребить къ своему защищенію, какъ можетъ онъ воспротивиться злодѣямъ, если они захотятъ погубить его? Наконецъ онъ видѣлъ, что нѣсколюй свѣтъ проникаетъ до него—приближается къ нему, и наконецъ ясно слышитъ, что его называютъ по имени. Спрахъ его исчезаетъ; онъ ожидаетъ помощи, и надѣется видѣть своихъ друзей — усматриваетъ сестеръ и Гжу. Менонъ.

Онѣ долго его ожидали; но видя, что онъ не возвращается, начали беспокоиться о его жизни. Сіи молодые особы, убѣждающія оупъ спраху въ свои покои и оставившія своего брата, теперь почув-

сповоали смертельное безпокойство о его участи ; входящъ въ галлерю и ищущъ своего брата въ самыхъ неприступныхъ мѣстахъ зданія. Теперь онѣ позабыли весь страхъ, и пришли къ той лѣстницѣ, на которой едва держался братъ ихъ. Какъ скоро онѣ увидѣли его въ столь опасномъ положеніи, поспѣшь мужество ихъ оставило, и онѣ пришли оляпъ въ ужась.

Между шѣмъ при свѣпѣ, копорой онѣ принесли съ собою, Фердинандъ могъ думать о средствахъ, какъ бы освободиться отъ угрожающей смерти. Разсмапривая мѣсто, въ которомъ обрушилась лѣстница, примѣпилъ онъ, что нѣкоторые камни отъ стѣны еще не опорвались. Къ несчастію, самая стѣна во многихъ мѣстахъ провалилась и угрожала совершеннымъ паденіемъ. Но Фердинандъ отваживается слѣзпъ по симъ камнямъ. Иные могли поддерживать его, другіе валились изъ подъ-ногъ; но наконецъ онъ достигъ до низу, цѣляясь безпрестанно

за разсѣлины стѣны, которыя ему попадались.

Любезныя его сеспиры, видя брата своего въ опасности, обнимали его съ неописанною нѣжностію. Гжа. Менонъ, которая прелепала о жизни Фердинанда, увидя его совершенно здоровымъ, совѣтовала поскорѣе возвратиться домой и успокоиться. День начиналъ появляться. Фердинандъ съ неудовольствіемъ долженъ былъ оставить начатые поиски. Черезъ коридоръ, большую лѣстницу и галерею всѣ четверо возвратившись въ комнату Юліи, желѣзные запоры задвинули, замокъ таинственной двери заперли и обои опустили по прежнему. Въ шесть часовъ утра Фердинандъ оставилъ сеспиръ своихъ, и опорожно прокрался въ свою комнату, гдѣ, бросаясь на постелю, уснулъ нѣсколько часовъ.

За однимъ впечатлѣніемъ скоро слѣдуетъ другое. Юлія, которой душа упомята была чувствованіями ужаса, успокоясь нѣсколько, возвратилась къ при-

япнѣйшимъ чувствованіямъ и любезнымъ воспоминаніямъ.

Ипполитъ Вереза снова предспавляепся ея мыслямъ , или , лучше сказать , занимается всю ея душу. Огъсупспвіе въ низкихъ душахъ, уменьшающее нѣжноспь, въ чувспвительномъ сердцѣ Юліи увеличило ее еще болѣе. Она желала увидѣпсья съ Ипполитомъ , и еще болѣе увѣрипсья въ томъ впечатлѣнн, какое произвела въ его сердцѣ. Вездѣ искала она уединенія. Какъ только могла удалипсья отъ окружающихъ ее, то всегда ходила прогуливаться въ мѣста пуспя, пипавшія ея меланхолію. Тамъ предавалась она сладкимъ надеждамъ , обольщающимъ химерамъ; она вздыхала , попоряла имя молодого своего друга , и обращала къ нему нѣжныя выраженія , которыя извѣспны только однимъ сердцамъ, пылающимъ любовію.

Въ одинъ лѣпнній прекрасный вечеръ , съ люпнею въ рукахъ, Юлія зашла нечувспвительно въ уединенное мѣсто ,

находившееся неподалеку отъ морскаго берега. Здѣсь, свѣтъ подъ тѣнью поповъ, наигрывала она меланхолическія пѣсни. Глубокая тишина Природы еще болѣе придавала пріятности выразительнымъ тонамъ ея инструмента. Солнце, окруженное злыми облаками, погружалось во влагу Океана, на гладкой поверхности коего играли послѣдніе лучи дневнаго свѣтила, совершающаго свое теченіе. Пурпуровая завѣса покрывала часть горизонта, и тихая ночь предсказывала свои пріятности смертнымъ, упомиавшимся отъ дневнаго зноя. Легкой вѣтерокъ разливалъ повсюду прохладной бальзамъ. Колебаніе листьевъ, шумъ волнъ морскихъ, разбивавшихся о каменный берегъ, придавали очаровательной видъ сей вечерней картинѣ. Душа Юліи возвышалась; она мысленно перелетала разстояніе, отдѣлявшее ее отъ любезнаго. Ей казалось, что она видитъ его у ногъ своихъ. Предаваясь такимъ восхищеннымъ надеждамъ, она зашла слѣдующій Романсъ:

В Е Ч Е Р Ъ .

Увишый мрачными пѣннами,
Несется вечеръ въ облакахъ;
Подъ черными его крылами
Блѣдна лазурь на Небесахъ.

Какъ воды тихія влекутся,
За нимъ послѣдуютъ часы;
По челахъ юнымъ маки выются,
На нихъ блестящъ жемчугъ росы.

Подъ мракомъ ночи море дремлетъ,
Молчатъ шумящiе валы,
Которыхъ взоръ нашъ не объемлетъ
Ихъ брегъ перилется вдали.

Какимъ великимъ и священнымъ
Мой духъ бываешь чувствую полнъ,
Когда я въ мѣстѣ отдаленномъ
Внимаю реву ярыхъ волнъ!

Я часто въ вечеру прохладномъ
На грозную скалу всхожу;
Тамъ — на ея верьху ужасномъ
Спокойно въ тишинѣ сижу;

И часто въ роцѣ заблуждаюсь,
Внимая шуму въперка;
Иль звукомъ жалобнымъ плѣняюсь
Согласной флейшы паслуха.

О ночь! мать черныхъ привидѣній,
 Богиня мертвой тишины!
 Вокругъ тебя лежатъ тѣни
 И лживые пріяпны сны.

Когда густой своею тьмою
 Покроешь міръ пространный сей
 Я изливаю предъ тебю
 Уныніе души моей.

Тронувшись разительною мыслию послѣдняго куплепа, она заиграла на своей люпинѣ очаровательныя фанпазіи; въ такомъ упоеніи чувствъ испускала иногда глубокіе вздохи. Живописная сцена взволновала ея мысли, и надежда пипала ея скорымъ обладаніемъ желаннаго предмета, какъ услышала она нѣжный и пріяпный голосъ, повпорающій послѣдніе спихи.

Взоры поспѣшно успремились къ тому мѣсту, откуда неся жалобный и вмѣстѣ спрапный голосъ. Густые листья заграждали взоръ Юліи; но вскорѣ кпото къ ней приближается. Эпо быламо-лодой человѣкъ, эпо была . . . любезной Ипполипъ!

Сердце ея содрogaется опъ удивленія, страха и удовольствія.

Ипполитъ повергаеся къ ногамъ Юліи, и самымъ прогапельнымъ голосомъ говоришь:

Позвольте, прекрасная Юлія, оікрышь чувствованія сердца , совершенно вамъ преданнаго; не опвергните любви нещаснаго , который живеть вами , котораго всегдашнее и непремѣнное желаніе есть — провождать дни свои вмѣстѣ съ Юлією, соединиться съ нею священными и неразрывными узами , и посвятивъ жизнь свою на то, чптобы содѣлать дни ваши пріятелишними , и наконецъ доказать вамъ свою преданность , которая можетъ прекрашиться только съ моею жизнію. Простите , несравненная Юлія , чрезмѣрному жару моихъ выраженій, простите дерзости моей. Но подумайте , чпто это можетъ быть одинъ и есть случай , когда могу говорить съ вами безъ свидѣтелей. Увѣряю васъ , чпто я уже не въ состояніи былъ хранить до-

лѣе пайны въ груди моей. Жертва ,
 опъ искренности сердца приносимая сколь
 бы маловажна ни была , заслуживаетъ
 благосклонное пріяніе. Опвѣспивуйте,
 прелеспная Юлія , и знайте , что опъ
 одного вашего слова будетъ зависѣть
 щасіе , или — нещасіе моей жизни.

Встаньте , сударь , опвѣчала Юлія дро-
 жащимъ голосомъ , но съ благородною
 осанкою. Это положеніе и эпода языкъ
 для меня оскорбительны. Васъ ожидаетъ
 Фердинандъ ; подите къ нему , — уважите
 сепіру вашего друга.

Нѣтъ , Юлія , я не встану до пѣхъ
 поръ , пока вы утвердительно не изъ-
 яснитесь . . .

Вдругъ являетя Маркиза Мадзини.
 Случай привелъ ее въ рощицу. Она слы-
 шала , какъ играла Юлія , и видѣла , какъ
 пошелъ пуда Ипполитъ. Любовь , копо-
 рою она сгарала къ сему молодому че-
 ловѣку , и ревность къ Юліи , возгорѣв-
 шаяся въ ее сердцѣ опъ различныхъ об-

стояпельспвѣ , заставили ее замѣчать въ шагахъ двухъ любовниковъ.

Не возможно описатьъ замѣшательства Юліи, въ которое повергло ее нечаянное появленіе Маркизы. Она хотѣла удалиться; но Маркиза ее удержала, сказавъ съ насмѣшкою: не безпокойшесь, сударыня , я приду въ опчаяніе, еспли прерву нѣжное свиданіе ; проспите мнѣ. Графъ , какъ я вижу , хочеть увѣришь васъ въ пламенной любви своей. Какъ это прекрасно и достойно всего моего удивленія! — Сказавъ сіе, она скрылась. Юлія не смѣла взглянуть; Ипполитъ хотѣлъ отвѣчать; но Маркиза внезапнымъ своимъ удаленіемъ въ эиномъ ему воспрепятствовала.

Юлія въ опчаяніи смѣшила догнашь Маркизу, чптобы вмѣстѣ съ нею войти въ замокъ. Сія послѣдняя была въ исповспвѣ. Она узнала теперь причину холоднаго равнодушія , которое Графъ Вереза ей оказываль. — Такъ! она узнала сію пагубную для нея причину. Дѣвица

въ осьминадцать лѣтъ , украшенная всѣми дарами Природы — была опасная со-
вѣстница ! Какимъ образомъ смягчилось
это сердце , столь упорное къ любви
Маркизиной ! какъ удалилъ его отъ Юліи!
Ревность , ярость , опчаяніе свирѣп-
ствовали въ душѣ Маркизы. Графъ пред-
сказавлялся мыслямъ ея со всѣми пріят-
ностями — со всѣми любезными каче-
ствами. Любовь ея еще болѣе увеличи-
лась. Множество сильныхъ чувствованій
раздирали ея душу.

Юлія скоро успокоилась, и возвратила
мирную пищу своимъ чувствамъ. Она
увѣрилась въ любви Ипполиновой — и
это было утѣшительнымъ бальзамомъ
при огорченіи, которое она недавно испы-
тала. Можно ли было почесать преступ-
леніемъ нѣжныя и кропкія чувствованія
любезнаго молодаго человѣка, рожденнаго
владѣть ея рукою?

Вечеръ провели, по обыкновенію, у Мар-
кизы. Юлія показала шамъ съ такою
же скромностію. Ипполипъ видѣлъ удо-

вольствіе, написанное въ ея взорахъ. Глаза Маркизы всюду за ними слѣдовали. Смущенный видъ ея показывалъ сильныя движенія ея души. Она желала еще болѣе, еще вѣрнѣе узнать тайну Ипполита и Юліи.

Наступила ночь и всѣ разошлись. Фердинандъ пришелъ въ покои сестеръ своихъ, желая возобновить первые свои поиски.

Едва собрались они, какъ вдругъ ясно услышали прежній шумъ. Трениль объялъ женщинъ; но это умножило только любовныя испуски молодого человѣка. Фердинандъ поднимаетъ обои, открываетъ тайныя стѣныя дверь, и, со свѣчею въ рукѣ, идетъ одинъ въ галлерей.

Доспигши большой лѣстницы, увидѣлъ онъ какъ будто тѣнь человѣка, переходящаго залу со сводами и устремившагося въ дверь, ведущую въ башню. Слѣдуя за тѣнью, поспѣшно сходитъ съ лѣстницы, лепитъ къ двери, которая была отворена, и вступаетъ въ излу-

чистой коридоръ ; которой уже былъ
 ему опчасши извѣстенъ. Легкой шумъ
 показываешь ему путь. Ему кажется ,
 что онъ слѣдуешь по стѣнамъ того
 предмета, котораго ищешь. Но вдругъ
 свѣтъ изчезъ и дверь хлопнула. Моло-
 дой человекъ пришелъ къ лѣспницѣ въ
 башнѣ; но ему не лзя было итти по
 ней , потому что она совсѣмъ обруши-
 лась. Куда сокрылся эптошь духъ, эптошь
 призракъ , коего онъ преслѣдовалъ ? —
 Незвѣстно! Муже пвенно осмаприваешь
 онъ во всѣхъ споронахъ. Наконецъ при-
 мѣшилъ подъ лѣспницею маленькую
 дверь, которая до сихъ поръ скрывалась
 отъ его взоровъ; потому что была подъ
 нижними ступенями. Онъ хочешь отво-
 рить ее ; но тщетно. Дверь заперта
 была изнутри, и никакъ не можно было
 ее выломить. Онъ спучить въ нее ефе-
 сомъ своей шпаги. Звонкое , протяжное
 эхо заставило его подумать , что она
 сообщается съ огромными комнатами
 Ему должно было ее оставить. Дверь

сдѣлана изъ твердаго дерева и окована желѣзомъ, которое еще болѣе умножило ея крѣпость. Большой замокъ и толстые задвижки препятствовали Фердинанду идти далѣе.

Лишась всей надежды оцѣ такого препятствія, онъ возвращается назадъ, входитъ въ коридоръ и достигаетъ залы со сводами, которую осматриваетъ со всѣхъ сторонъ. Колонны изъ чернаго мрамора поддерживали сводъ. Готическія окна украшены были по краямъ такимъ же мраморомъ. Видъ сей комнаты имѣлъ въ себѣ нѣчто величественное, дикое и печальное. Нѣкоторой родъ периспиля со сводами велъ въ сію залу. По лѣвую сторону были двѣ запертыя двери. На правой была также дверь, служившая главнымъ входомъ со двора въ замокъ.

Онъ возвращается опять въ залу, украшенную чернымъ мраморомъ. Каждой шагъ его раздавался громко во всѣхъ сторонахъ, и ему казалось, что множество людей его преслѣдуютъ. Неволь-

ный ужасъ объялъ его. Но продолжая свои поиски, увидѣлъ онъ еще двои дверей изъ крѣпкаго дерева, украшенныя искусною рѣзьбою. Онѣ также были заперты, какъ и двери въ периспилѣ, и предспавляли усиліямъ одного человѣка непреодолимое сопротивленіе.

Въ то время, какъ Фердинандъ разсмаприваль, какимъ бы образомъ отворишь ихъ; вдругъ услышалъ глухой шумъ, или лучше сказать, плачевный стонъ и продолжительныя рыданія. Казалось, что они происходили изъ подполу той залы, въ которой онъ находился. Кровь оледенѣла въ жилахъ Фердинанда.

Глубокое молчаніе слѣдовало за сими плачевными звуками. Онъ успокоился и увѣрять себя, что конечно воображеніе обманывало его, и что это было слѣдствіемъ первыхъ его впечатлѣній; но вдругъ стenanіе, столь же плачевное, столь же продолжительное, какъ и прежнее, происходившее изъ одного мѣста,

ясно показало ему , что это было въ самомъ дѣлѣ и произвело въ немъ страхъ , котораго онъ доселѣ не чувствовалъ.

Страхъ былъ такъ великъ , что Фердинандъ , ославивъ дальніе поиски , вышелъ изъ залы , достигъ большой лестницы , скоро перебѣжалъ галлерею , пришелъ къ тайнственной двери Юліиной комнаты , съ препеномъ и поспѣшностію ее заперъ , и тогда только почтпалъ себя безопаснымъ , когда былъ уже съ сестрами своими и Гжею. Менонъ.

Съ чрезвычайною неперпблпвостію ждали онѣ Фердинанда около двухъ часовъ. Какъ скоро могъ онъ дышатьъ свободно , и успокоился по прежнему : по разсказалъ имъ обо всемъ , что видѣлъ и слышалъ , — обо всѣхъ препятствіяхъ и запертыхъ дверяхъ , которыя нашелъ. После догадокъ и размышленія , которыя всѣ они дѣлали о каждомъ обстоятельстве сего случая , они согласились прекратить поиски , и опъ времени ждапъ

объясненія спрашнхъ привидѣній и плачевнаго спенанія.

Юлія рѣшилаеь не оставаться болѣе въ сихъ покояхъ, которые имѣли такое близкое сообщеніе съ мѣспами, обитаемыми неизвѣспнымъ для нихъ предметомъ. Спрахъ, копорой произвело въ Юліи положеніе ея комнаты, достигъ до высочайшаго спенени ужаса. Тщетно Гжа. Менонъ помощію разсудка хопѣла истребить въ мысляхъ ея такое необыкновенное чувствование. Должно было уступитъ усиленнымъ прозьбамъ двухъ сестеръ, и обѣщавъ имъ, что въ слѣдующій день объяснитъя объ этомъ съ Маркизою, дабы она приказала опвестъ для нихъ другіе покои. Однако они согласились ничего не говорить ни о двери находящейся подъ обоями, ни о поискахъ, сдѣланныхъ ими въ пущой части замка.

Въ самомъ дѣлѣ, когда Гжа. Менонъ увидѣла Маркизу, по послѣ завтрака и описала ей все опвращеніе двухъ своихъ

воспитанницъ отъ покоевъ, въ которыхъ слышали онѣ подземельной шумъ, неизвѣстно отъ чего происходившій.

Маркиза приняла сіе извѣстіе съ презрительною холодностію. Она приписывала страхъ двухъ дѣвицъ суевѣрію, и сказала Гжѣ. Менонъ: я очень не довольна, сударыня, что вы ободряете ребяческія мысли своихъ воспитанницъ — вы, которыми должно не только разсѣвать, но искоренять подобныя слабости, укрѣпляя силы ихъ разсудка, удаляя отъ нихъ всякую пустую легковѣрность; напропивъ того, изъ поступка вашего видно, что вы еще сами умножали ихъ пустой страхъ. Прошу васъ, сударыня, увѣрите отъ меня своихъ воспитанницъ, что мнѣ не возможно угождать ихъ своенравію; что всѣ покои въ замкѣ мнѣ нужны, и что многочисленныя посѣщенія, которыя мы принимаемъ, принуждаютъ насъ опасаться при первомъ нашемъ расположеніи.

На эпопъ холодной и жеспокой во-
просъ Гжа. Менонъ опвѣчала однимъ
молчаніемъ, и удалилась.

Въ самомъ дѣлѣ, посѣщенія въ замкѣ
Мадзини умножались всякой день. Эпо
быль періодической приливъ молодыхъ
людей и женщинъ, преданныхъ удоволь-
ствіямъ. Прежніе покои Гжи. Менонъ,
занимаемые пеперь Маркизою, были
украшены всѣми сокровищами искусства,
и Маркизѣ никогда и въ голову не при-
ходило, опяпъ опдапъ сіи комнапы до-
черямъ своего мужа.

И онѣ съ своей спороны опнеслись
къ брапу, чпобы онѣ непремѣнно по-
просиль Маркиза, дапъ имъ другіе по-
кой. Онѣ обѣщаль имъ эпо — и рѣ-
шился на все, чпобы ни вышло.

Обратимся пеперь къ Ипполипу, ко-
торого положеніе сдѣлалось нерѣшипель-
нымъ еще болѣе, нежели когда нибудь.
Онѣ не получилъ опъ своей милой Юліи
никакого благопріятнаго опвѣща. Его
изъясненіе прервано было самымъ же-

спокимъ образомъ. Нѣсколько словъ, произнесенныхъ Юлією — не были ли словами нечувствительности, а можешь быть и презрѣнія?

Должно припомнить, что Графъ Вере-за, послѣдовавшій за Маркизою Мадзини изъ Неаполя, когда она явилась въ первой разъ въ замкъ, принужденъ былъ на четвертый день возвратиться въ Неаполь. Близкій его родственникъ, Маркизъ Ломелли, занемогъ опчаянно. Желая извѣстить Юлію о своихъ чувствованіяхъ, которыя произвела она въ его сердцѣ, ночью, передъ отпѣздомъ своимъ, отважился онъ ѣхать подь окнами Юліи нѣжной и прогательной романсъ. Образъ ея слѣдовалъ за нимъ въ Неаполь.

Пріѣхавъ туда, нашелъ онъ родственника своего при послѣднемъ издыханіи; онъ умеръ черезъ нѣсколько часовъ, и оставилъ Ипполиту, единственному своему наследнику, небольшую часть великаго богатства, которое распочилъ без-

разсудно. Для приведенія въ порядокъ дѣлъ, касающихся до наслѣдства, пребо-
валось довольно времени; и для того
ему не лзя было скоро возвратиться
въ Сицилію. Пріѣхавъ наконецъ туда,
Ипполитъ искалъ удобнаго случая оп-
крыть Юліи любовь свою. Но ревность
Маркизы безпрестанно бодрствовала. Она
всюду слѣдовала за нимъ, пока наконецъ
случай привелъ его въ рощицу, гдѣ Юлія
опдыхала. Маркиза, узнавъ почти всю
пайну Ипполитову, рѣшилась всѣми
мѣрами, не допустить молодыхъ лю-
бовниковъ къ другому свиданію.

Фердинандъ въ этотъ же день имѣлъ
случай увидѣть Маркиза какъ обѣщала
своимъ сестрамъ и Гжѣ. Менонъ. На-
шедъ его въ своемъ кабинетѣ, въ ко-
ропкихъ словахъ разсказалъ ему не
только о томъ, что видѣлъ, но и о
подземельномъ шумѣ, конорой слышалъ.
Но ничего не сказалъ о пощаенной дже-
ри, скрытой подъ обоями, конорую на-
щель въ комнатѣ Юліи, ни о тѣхъ по-

искахъ, которые производилъ онъ до самой лѣспницы полуденной башни; но только даль ему знать, что онъ и сестры его очень увѣрены, что какая нибудь чрезвычайная вещь кроется въ сей части замка.

Съ глубокимъ молчаніемъ слушалъ Маркизь; его видъ предвозвѣщалъ негодованіе. Я не думалъ, отвѣчалъ онъ, чтобы сынъ мой, наследникъ моего имени, могъ предаваться такому неблагоприятному безпокойству, такому дѣпскому страху. Какъ! боязливостъ и смятеніе женщинъ проникли въ сердце Фердинанда! Недостойный сынъ! ты заставляешь меня стыдиться, что я даровалъ тебѣ жизнь. Одна чернь имѣешь такіе предразсудки. Какъ ты могъ вздумать открыться въ эпомъ своему родителю, и иребовать его помощи! И ты не отважился самъ собою узнать причину ребяческаго страха? Тогда, послѣ мужественныхъ и щастельныхъ поисковъ, имѣлъ бы ты право говорить мнѣ такъ

увѣришельно — и я соединилъ бы неуспрашиваемость мою съ пвоею, чпобы въ конецъ испребишь корень зла; а пеперь пы не можешь ни на чѣмъ болѣе упвердипься, какъ полько на пуспныхъ свидѣпельспвахъ прехъ боязливыхъ и сувѣрныхъ женщинъ.

Я не все сказалъ вамъ, бапюшка, опвѣчалъ Фердинандъ, не на свидѣпельспвахъ другаго основаль я свою увѣришельность: я самъ все извѣдалъ; я самъ слышалъ плачевныя спенанія, шумъ походки и видѣлъ опворенныя и запертыя двери. Тщепно хотѣлъ я узнать причину. Вопъ, для чего я сказалъ вамъ объ этомъ. Повѣрыте, чпо безъ того сынъ вашъ, не удалявшійся никогда опъ добродѣтели своихъ предковъ, не почель бы за нужное безпокоишь васъ разсказамп о пуспомъ и доспойномъ смѣха ужасѣ.

Маркизь, казалось, чрезвычайно пораженъ былъ симъ опвѣпомъ. Тонъ увѣришельности, съ какимъ говорилъ Фер-

дминистрация, погрузила его въ глубокое размышленіе. Проведши нѣсколько разъ по горницѣ, Маркизь съ важностію взялъ руку своего сына, и сказалъ ему: Фердинандъ! приди нынѣ вечеромъ ко мнѣ въ кабинетъ; я долженъ сообщить тебѣ великую тайну. Ты достигъ уже того возраста, въ которомъ мнѣ не должно оиъ тебя скрывать ничегъ важнаго въ разсужденіи дому Мазини. Однако не говори никому о томъ, что между нами происходило.

Оснанивъ своего отца, Фердинандъ вспрѣвнлся съ Ипполипомъ въ одной залѣ. Печальный видъ Графа поразилъ его. Я искалъ тебя, любезный другъ, сказалъ ему Ипполипъ. Мнѣ нужно уиѣшеніе, и я прошу твоего совѣта. Пойдемъ въ твою комнату. Тамъ никто не можетъ насъ подслушать.

Пришедъ туда, Ипполипъ объявилъ ему любовь свою къ Юліи, тщетныя покушенія открыть ей сердце свою, внезапной случай, прервавшій его объ-

ясненія, и страхъ, кою орой чувствовалъ онъ, думая, что Юлія сморритъ на него равнодушно, и даже презираетъ любовь его.

Ты ошибаешься, любезный другъ! опъбчалъ Фердинандъ. Влюбленные никогда не видятъ истины. Посторонній наблюдатель можетъ только различить истинныя впечатлѣнія двухъ юныхъ сердець, копорыя ищутъ другъ друга, и кажутся, сотворены одно для другаго. Я увѣренъ, что Юлія очень не противна чувстванѣжности, копорыя призвала она въ душѣ моего друга.

Не обманывай меня, любезный Фердинандъ! Ты считаешь меня достойнымъ нѣкопорого уваженія, и по этому только увѣренъ, что Юлія, прелесная твоя сестрица, нѣсколько меня опличаетъ.

Нѣтъ! я имѣю гораздо вѣрнѣшія свидѣтельства, и могу доказать, что она себя любитъ.

Юлія по случаю была въ библіотекѣ, подлѣ копорой находилась Фердинандова

комната. Въ какомъ смяненіи находилась она , будучи принуждена слушать такой разговоръ ! Она препешала отъ спраху , чинобъ ее не увидѣли. Можешь быть ей и можно было бы удалиться ; но все услышали бы , какъ она выйдетъ , потому что дверь изъ библіотеки въ галерею , крѣпко затворенная , непременно произвела бы шумъ , и шумъ возбудила любопытство двухъ друзей. И такъ Юлія рѣшилась сама опасаться.

Хорошо , любезный другъ ! вѣрю по своимъ утѣшеніямъ. Надежда , быть любимымъ , есть для меня первое благополучіе ; но сдѣлай милость скажи , по чему ты это знаешь ?

А вотъ по чему ! (Тупъ сердце сильно забилось въ груди Юліи.) Лишь только мы пріѣхали въ замокъ , то взоръ ея гораздо охотнѣе устремлялся на тебя , нежели на другихъ молодыхъ людей. Живѣйшее удовольствіе показалось на лицѣ ея , когда ты просилъ ее шанцевать съ собою , и когда вы оба заслужили громкія

рукоплесканія опъ всего общества. На другой день ты уѣхалъ очень рано. Она не знала этого, и ждала тебя всякую минуточку. Непереносимость ея была очень примѣтна. За обѣдомъ, когда сказали, что необходимыя дѣла принудили тебя уѣхать такъ скоро, невольный румянецъ покрылъ ея щеки; печальная задумчивость слѣдовала за первымъ симъ чувствованіемъ; и съ того времени, спараясь уѣзжать, какъ возможно, опъ шумныхъ удовольствій, окружавшихъ Маркизу, она искала уединенія. Какъ можно, чтобы Юлія въ такихъ лѣтахъ удалялась опъ общества, когда бы живое, сильное чувство любви не сдѣлало ее нечувствительною къ забавамъ свѣта! Вопль мой замѣчанія, и еслибы я имѣлъ счастье быть любимымъ, тогда бы не желалъ вѣрнѣйшихъ доказательствъ.

Ахъ! любезный другъ, какимъ сладостнымъ утѣщеніемъ наполнилъ ты мою душу! Такъ! я увѣренъ, что имѣю счастье нравиться, потому что ты не захочешь

меня обманывать. Фердинандъ ! поведи меня къ Юліи ; при тебѣ поклянусь ей въ вѣчной любви, доспойной ея добродѣтелей ! Ты теперь другъ мнѣ ; но пусть Юлія позволишь мнѣ называть тебя своимъ брапомъ — и тогда всѣ мои желанія исполнятся.

Она будешь можетъ быть ввечеру во вчерашней рощицѣ , опвѣчалъ Фердинандъ шутя , — и , взявъ за руку Ипполипиа , повель къ дверямъ своей комнаты , какъ вдругъ оба поражены были удивленіемъ , услышавъ , что кто-то пошелъ въ галерею . Это была Юлія . Она боясь , чпобы ее не увидѣли , хопѣла удалиться , и никакъ не могла , не застучавъ , этого сдѣлать . Въ ту минупу , какъ брашь ея съ Ипполипомъ вошли въ галерею , она чрезвычайно успрашилась , и принуждена была сѣсть на креслы , закрывъ лице , чпобы скрыть свое замѣшательство .

Ахъ ! сударыня , вскричалъ Ппполипъ , бросаьсь предъ нею на колѣни , и прижавъ

руку ея къ успамъ своимъ; проспите ли вы дерзоспъ безрасудныхъ моихъ желаній? Только вашему брату, любезнѣйшему моему другу, опкрылъ я драгоцѣннѣйшую шайну своего сердца. Еспьлибъ я зналъ, что вы были пакъ близко подлѣ насъ : то, повѣрите, не произнесъ бы ни одного слова, которое могло бы оскорбить вашу чувспвительность. Прекрасная Юлія! удостойте оцаспливить меня вашимъ почпеніемъ; будьте увѣрены, что я его заслуживаю. Еспьли вы не проспите мнѣ сего неумышленного просупка — я буду мучиться во всю жизнь свою. Скажите, скажите, что моя нескромность не навлакла на меня вашего гнѣва!

Еспьли ваше спокойствіе зависить отъ моего почпенія, опвѣчала Юлія слабымъ и пріятнымъ голосомъ, то повѣрите, что я никогда не возмущу его. Телерешнее мое положеніе запрещаетъ мнѣ говорить съ вами болѣе. Оно повѣдѣваетъ мнѣ немедленно отсюда уда-

лишья. — Сказавъ сіе , она оставила брата своего и Ипполита съ крошкимъ величіемъ , которое еще болѣе умножило ея прелести.

Фердинандъ чрезвычайно былъ удивленъ. Онъ досадовалъ на то , что сестра его слышала все , какъ онъ увѣрялъ своего друга ; однако успокоился , воображая , что нѣкоторымъ образомъ оказалъ услугу имъ обоимъ , доставивъ случай объясниться скорѣе и сокративъ первыя объясненія. Потомъ они распались для того , чтобы продолженіе ихъ разговора ни мало не было тягостно для Юліи , если бы она встрѣпилась съ ними въ этотъ день.

Наконецъ наступилъ часъ , назначенный Маркизомъ сыну своему , чтобы прийти къ нему въ кабинетъ. Необыкновенное приглашеніе произвело въ Фердинандѣ нѣкоторое безпокойство. Приказаніе Маркизово и любопытство Фердинанда узнавъ всѣ подробности , относящіяся къ тому ,

что онъ уже слышалъ, заставили его явиться въ опредѣленный часъ.

Кабинетъ былъ опворенъ; но Маркиза еще не было. Черезъ нѣсколько минутъ онъ пришелъ. Я очень доволенъ, сказалъ онъ, этою почтоспюю. — Онъ заперъ кабинетъ, взялъ креслы и приказалъ Фердинанду сѣсть подлѣ себя. Чрезвычайная холодность, изображавшаяся во всѣхъ его движеніяхъ, придавала ему суровый видъ.

Можетъ быть при семъ одномъ случаѣ я могу узнать, сынъ мой, сколько для тебя драгоценна. Довѣренность, которую хочу тебѣ сдѣлать, должна на вѣки быть сокрыта въ душѣ твоей. Никакія объясненія твоей жизни не могутъ тебѣ позволить открытъ ее. Подумай объ этомъ. Если можешь до самой смерти сохранить мою тайну — то она скоро будетъ тебѣ известна. Размысли о сей обязанности, которую на себя принимаешь. Когда она кажетъся тебѣ тягоспюю — то оставь

меня, и теперь же прекратимъ нашъ разговоръ. Еслили же напрошивъ того пытно учьль онъ Природы птвердость духа, и можешь хранишь свои обѣщанія, не взирая ни на какія мифіи людей, то прими условія, копорыя хочу заключишь съ пвобою. За сію только цѣну ошкрою тебѣ великія тайны.

Такое предварительное объясненіе не могло поколебать Фердинанда. Какого обязательства требовалъ отъ него Маркизь? Къ чему ведетъ такое необыкновенное заклинаніе? Любопытство Фердинандово все преодолѣло. Онъ сказалъ отцу своему, что на все согласенъ. Маркизь взялъ свою шпагу, и обнаживъ ее, подалъ своему сыну. Клянись симъ желѣзомъ, симъ залогомъ чести благороднаго человѣка, что не ошкроешь никому тайны, копорую я тебѣ вѣряю! — Клянись! отвѣчалъ Фердинандъ твердымъ голосомъ, я сохраню кляпву свою, хотя бы это стоило жизни!

По томъ Маркизь положилъ на споль
шпагу, и съ важносцію началъ говоришь
сыну своему.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.